

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

и

СЪВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1831 № XXV и XXVI.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЕЖЕДНЕВНЫЯ ЗАПИСКИ РУССКОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ ВЪ 1827 и 1828 ГОДАХЪ.

(*Продолженіе.*)

Впрочемъ, скажу опкровенно, Варшава мнѣ не нравилась: ни города, ни положенія мѣста, ничего я не нашла по своему вкусу. О обычаяхъ здѣшнихъ судить не могу, ибо въ три дня что можно узнать? Прежде я слыхала, что здѣсь живутъ весело, особенно Баронъ О. съ восхищеніемъ рассказывалъ о здѣшнемъ веселомъ образѣ жизни, но здѣсь я слышу совершенно противное. К. и М., у которыхъ я съ семь спрашивала, оба дали мнѣ одинаковый отвѣтъ, прибавя, что человѣкъ можетъ, по сродному ему чувству, быть все-

гда недовольнымъ тѣмъ, чѣмъ онъ обладаетъ; даже скучнымъ кажется имъ здѣшній образъ жизни; этому можно повѣрить, если прочія удовольствія публичныя и партикулярныя въ такомъ же видѣ и съ такимъ вкусомъ содержаны, какъ здѣшній театръ. К. же сказалъ, что Поляки неспособны ни ободрять таланты, ни поддерживать какое либо заведеніе, даже до удовольствія касающееся. Сколько антрепренеровъ разорилось въ Варшавѣ! Приѣдутъ, употребятъ капиталъ на заведеніе, устроятъ все прекрасно, что же? — сначала повалятъ, тѣдятъ мѣсяць, два, три; потомъ рѣже, рѣже, и наконецъ въ модныхъ великолѣпныхъ salons вы не встрѣтите ни души. — Такъ рассказывалъ онъ намъ въ Четвертокъ, когда въ первый разъ былъ у насъ. — „За то,“ прибавилъ онъ: „здѣсь менѣе роскоши, чѣмъ у насъ, въ Москвѣ. Человѣкъ въ звѣздахъ можетъ ѣхать въ наемной коляскѣ, и на него не спануютъ указывать пальцемъ. Здѣсь всѣ экипажи вы увидите парю. Всѣ знашныя особы тѣдятъ въ двѣ лошади, и если вы встрѣтите четверню, то навѣрное можете сказать, что это Русскіе.“

Я согласна, что умѣренность есть прекрасная моральная добродѣтель; со всѣмъ тѣмъ, когда я гляжу на несносные здѣшніе экипажи, которые столь рѣдко проглады-

ваюпъ между безчисленнымъ множествомъ ямскихъ колясокъ, когда гляжу на нихъ и вспомню четверни лихихъ, которые ежеминутно носились мимо насъ по Тверской, ливреи обшитыя золотомъ, кареты съ иголки — то невольный вздохъ вылетитъ изъ груди. Надо однако же признацца, что во мнѣ есть слабость къ хорошимъ экипажамъ; ибо что въ нарядахъ здѣсь меньше роскоши, чѣмъ въ Москвѣ, это мнѣ очень нравится. К ва сказала намъ, что здѣсь вкусъ проще: здѣсь для туалета пребукупъ меньше великолѣпія, меньше богатства, но болѣе свѣжести и разборчивости, — вотъ это прекрасно!

Вторникъ, 19 Юля. 11 часовъ утра, Г. Калишъ.

Начинало уже смеркаться, когда мы выѣхали изъ Варшавы. Понедѣльникъ мы ѣхали безостановочно, не встрѣпивъ ничего любопытнаго, а во Вторникъ, часу въ осьмомъ утра, пріѣхали въ Калишъ, пограничный Польскій городъ. Мы были уже въ среднѣмъ города, а я спала глубокимъ сномъ. Папенъка, разбудя меня, сказалъ: „Мы пріѣхали въ Калишъ, а мы оиинъ; погляди, вотъ площадь, мосты, большіе дома.“ — „Ахъ! сказала я, проширая глаза, какой чудесный сонъ видѣла я! — „А что жъ ты видѣла?“ спросила маменька. — „Мнѣ снилось, что мы стоимъ съ папенкою предъ картиной; сначала не могли мы по-

нать, что она изображаетъ. Она представляеть лице небесной красоты, глаза закрыты, волосы распущены по плечамъ. Мы долго стояли и смотрѣли безмолвно; наконецъ кто-то сказалъ намъ, что это чудотворный Образъ, представляющій спящую Богоматерь. Тутъ мы начали съ усердіемъ молились Заступницѣ. Вскорѣ пришли и вы, маменька. Вдругъ изъ Образа представилось намъ ложе, и на ономъ Сама Богородица. Мы бросились всѣ на колѣни, и я со слезами молилась Пречистой, у коей глаза все еще были закрыты, голова покоилась на изголовьи; наконецъ подняла она ручку, протянула ее ко мнѣ, — съ воспоргомъ и препетомъ схватила я ее; слезы лились изъ глазъ ручьями; но вдругъ исшелъ божественный гласъ: „Предъ послѣднимъ концемъ ты меня увидишь!“ — Я запрепечала, бросилась ницъ лицомъ, и потъ же самый гласъ повпорилъ: „предъ послѣднимъ концемъ твоимъ ты меня увидишь,“ — и все исчезло: въ это время вы меня разбудили.“

Четвертокъ, 21 Июля.

Мы приѣхали въ Бреславль въ 6 часовъ утра, и весь городъ уже былъ въ движеніи; это насъ немного удивило, ибо, проѣхавъ 400 верстъ лѣнивою Польшею, мы видѣли повсюду праздность и нерадѣніе; тутъ же вездѣ суелится, работаютъ, продаютъ, по-

купають. — Впрочемъ, переехавъ чрезъ границу, видѣли мы уже болѣе трудолюбія; даже въ бывшихъ Польскихъ провинціяхъ замѣтили мы Нѣмецкую дѣятельность. Хотя видъ Силезіи являлъ еще болѣе радѣніи въ обработываніи полей, хотя уже цѣлый день представлялись взорамъ нашимъ избыточные поселяне, вмѣсто неопрятныхъ Жидовъ, хотя мы видѣли цѣлое погорѣвшее мѣстечко, въ которомъ и малъ и великъ строили дома, и около двадцати пяти домовъ какъ бы выросли изъ скорлупы въ два мѣсяца; со всѣмъ нѣтъ дѣятельность и толпа прохожихъ, покрывающая всѣ улицы, обратила на себя наше вниманіе; это первый большой Нѣмецкій городъ, который мы видѣли, и были довольны, какъ строеніемъ, чистотою, такъ и трудолюбіемъ жителей. По всѣмъ улицамъ, въ коихъ нижніе этажи домовъ составляютъ непрерывный рядъ лавокъ и масперскихъ, стояли чисто одѣтые масперовые, а въ лавкахъ женщины, продавая повары, ногою качали люльку, а въ рукахъ имѣли чулокъ или шипье. — Выѣхавъ изъ Бреслава послѣ обѣда, передъ вечеромъ пріѣхали мы на почтовую станцію, состоящую изъ нѣсколькихъ домиковъ. Проезжая мимо одного дома, увидѣли мы бесѣдку изъ каприфолія, — ахъ, какая прелесть! „Посмотрите, посмотрите шевръ-

Фель!" закричали мы всѣ въ одинъ голосъ, и спали просить папеньку, чтобы онъ позволилъ намъ выйти, пока переключиваются лошадей. Папенька согласился; но едва подъѣхали мы къ станціи, какъ онъ занялся съ содержателемъ почты, а мы сидѣли въ ожиданіи. Между тѣмъ сестры Почтмейстера, молодыл, хорошенькія дѣвушки, окружили нашу карету; мы завели съ ними разговоръ, и я рассказала имъ, что чрезвычайно желаю имѣть вѣтвь шевръ-феля; онѣ тотчасъ вызвались идти со мной. Папенька приказалъ выпустить меня изъ кареты, и я поспѣшно пошла съ ними къ дому поселанина, который отпрѣзалъ намъ съ Огюстой по вѣсколку вѣтвочку, je l'auger, je lieber — такъ называется по-Нѣмецки шевръ-фель. Молодыя дѣвушки дали мнѣ еще резеды изъ своего сада, и я, отблагодаривъ ихъ отъ искренняго сердца, принесла букетъ свой маменькѣ.

Пятница, 22 Июля.

Глаза наши отдохнули съ тѣхъ поръ, какъ мы въѣхали въ Пруссію. Кромѣ того, что и самое мѣстоположеніе здѣсь разнообразіе, трудолюбіе жителей, оидѣка ихъ домовъ и хозяйственныхъ потребностей далеко превосходятъ Польскія. Опрятность же ихъ одежды, и главное, чистота, которая дарствуетъ въ здѣшнихъ практикахъ, дѣ-

лаешь путешествіе по Силезіи весьма пріятнымъ; одного только жаль, что народъ здѣсь упрямъ, особенно почтари нестерпимо грубы. Платьямъ имъ въ при-дорога; вдулъ они съ киселемъ: со всѣмъ тѣмъ еще на каждой станціи хотѣя въ припряганъ лишнихъ лошадей. — Въ No была презабавная сцена: мы занимались съ папенькой счепами; вдругъ слышимъ, что Огюста въ сѣняхъ съ кѣмъ-то громко разговариваетъ; эпо продолжалось нѣсколько времени; наконецъ она приходить съ предовольною миною. „Съ кѣмъ вы тамъ говорили?“ спросилъ у нее папенька. — „Съ почтальономъ. — Онъ шелъ къ вамъ сказать, что заложишь семь лошадей, только я ему отвѣчала, что вы заняты, и что седьмой лошади ему никакъ не позволятъ припрячь, ибо мы проѣхали двѣ тысячи верстъ по Россіи, и болѣе шести лошадей никогда не брали, а ему должно быть спѣшно пріѣхалъ иностранецъ; лучше ему дадутъ болѣе прикнелъду; лишней же лошади ни подъ какимъ видомъ не позволятъ заложить.“ — „Гдѣ жъ онъ теперь?“ спросилъ папенька. — „Онъ еще долго спорилъ, наконецъ сказалъ: нѣчего дѣлать; я повезу на шести, только вы поѣдете шагомъ; — по насъ, поѣздай шагомъ, только вези на шести.“ — Такъ рассказывала намъ Огюста, смотря на насъ съ побѣдоноснымъ

видомъ. — „Браво! браво! Какая героиня!“ — закричали мы всѣ. — „А что вы шутите?“ примолвилъ папенька: — „я въ самомъ дѣлѣ ей много обязанъ, ибо если бы эполтъ негодай дошелъ до меня, то я бы заплатилъ за десять лошадей, только бы съ нимъ не связываться.“

Выѣхавъ въ 1-мъ часу изъ Н..., около обѣда подъѣзжали мы къ Бунцлау, маленькому, но знаменитому по кончинѣ Фельдмаршала Князя Курузова, Силезскому городку. Вдругъ почтарь нашъ остановился и спросилъ, не хотимъ ли мы видѣть могилу Русскаго гусара, который, увидя Полковника своего окруженнаго и взятаго въ плѣнъ восемью Французами, врубился въ средину ихъ, освободилъ Полковника, но самъ, покрытый ранами, палъ на мѣстѣ. Мы выскочили изъ кареты, чтобы почтить память героя, искали глазами скромный памятникъ, и увидѣли въ полѣ надгробный камень, на коемъ начертаны были слѣдующія слова: *Храброму Русскому Гусару Нитолашкѣ, отъ благодарнаго Полковника Рейтерна, Апрелья дня 1813 года.*

Разбросанные снопы по проспанному полю, которые какъ бы напоминали о тысячахъ соотечественниковъ нашихъ, о неизвѣстныхъ сынахъ природы, сраженныхъ здѣсь судьбою, и можешь быть, утучнившихъ кро-

вію сія самыя поля, — видъ сего памятника, гдѣ сокрытъ прахъ героя — все распрогало насъ. „Ни вздохъ кровнаго, ни слеза роднаго, не почтивъ сего уединеннаго памятника!“ — подумала я, и пошла со вздохомъ въ карету; но вдругъ блеснула мысль: смерть есть жребій человѣчества. — Тяжело умереть на чужбинѣ, но славно спасти жизнь другаго, славно умереть геройскою смертію! — Еще полчася ѣзды, и мы вѣхали въ Бунцау. Едва остановилась карета у почтоваго двора, какъ мы бросились изъ экипажа и побѣжали прямо къ памятнику знаменишаго Купузова. Простая, но прекрасная форма памятника не обратила сначала на себя вниманія нашего; оно устремлено было все на надпись: воишь какимъ образомъ изъясняется въ ней одинъ изъ Владыкъ Европы: *До сихъ мыстъ довелъ Князь Кутузовъ - Смоленскій побѣдоносное Россійское воинство! Но здѣсь положила смерть предѣлъ славныхъ дней его! Онъ спасъ отечество, онъ указалъ путь къ избавленію народовъ! . . . Да будетъ вѣзвѣки благословенна память Героя! Сей скромный памятникъ посвящаетъ ему Фридрихъ Вильгельмъ Третій.*

Воишь свидѣтельство безпристрастное, воишь похвала истинная! Великій Купузовъ, бессмертный Полководецъ! Монархъ называетъ тебѣ спасителемъ отечества! — О

тупило священное! когда и кipo заслуживалъ тебя, кромѣ нашего Купузова! — О, какой восторгъ называешься Русскимъ; считаешь геніевъ въ числѣ соотечественниковъ, величайшихъ Полководцевъ, удивленіе Европы — называть братьями, дѣтьми того же опечисива!

За полмили отъ Бунцлау похорожена внутренность Купузова, и тамъ на холмѣ, откуда во всѣ стороны простирается видъ столь же, такъ сказать, обширный, какъ умъ великаго Купузова, воздвигнутъ также памятникъ. Мы преклонили колѣна и облобызали мраморъ; онъ казался намъ священъ, ибо покрывалъ прахъ героя.

Суббота. Утро 23 Июля. Г. Лобанъ.

Вчера въ полночь прѣхали мы въ Герлицъ, послѣдній Прусскій городъ. Мы остановились у почтоваго двора. Человѣкъ пошелъ разбудить Почтоваго Смотрителя, вмѣстѣ коего явился запасный вагенмейстеръ. Напенька спросилъ у него, есть ли комната для проѣзжающихъ. — „Есть,“ — отвѣчалъ въ томъ грубіянь, пошныгиваясь и зѣвая — „только у меня огня нѣтъ.“ — По крайней мѣрѣ, у тебя есть лошади? — „Есть — отвѣчалъ онъ: шести мало, надобно семь.“ — Напенька не отвѣчалъ ему ни слова, и отошелъ отъ него прочь. Я спѣла у окошка, и

не могла безъ смѣха смотрѣть на эту полстую, неповоротливую фигуру, которая зѣвала, пяталась, чесалась, бормотала сквозь зубы, и наконецъ, обошедъ нѣсколько разъ вокругъ кареты, ворча оправила за лошадыми. Настоящая кикимора! сказала я наконецъ, захохотавши. Маменька нашла сравненіе мое очень близкимъ и подозвала папеньку, чтобъ сообщить ему наименование полстаго вагенмейстера. „Неповоротливую кикимору не скоро видно дождемся; я думаю онъ на дорогѣ заснетъ,“ сказалъ папенька. — „Выйдите пока изъ кареты, если хотите.“ Мы съ радостію воспользовались предложеніемъ. Пройдя самой кареты, въ воропахъ, споллъ какой-то мужчина; за нимъ поспавленъ былъ фонарь. Папенька подошелъ къ нему и попросилъ огня, чтобъ завести часы; онъ въ ту жъ минуту кинулся подать фонарь, и простою, но ласковою фizioномією возбудилъ въ насъ участіе. Папенька спросилъ у него, кто онъ и чѣмъ занимается. Я торгую пивомъ, отвѣчалъ онъ, и въ ту жъ минуту побѣждалъ и принесъ намъ огромную кружку пива. Папенька очень благодарилъ его, и приказалъ намъ отвѣдать, боясь, чтобъ отказъ нашъ не огорчилъ этого добраго чelовѣка. Долго разговаривалъ съ нимъ папенька, спрашивалъ у него про Герлицъ; онъ

подробно рассказывала и казался очень доволенъ, что съ нимъ занимаются. Наконецъ грубый вагенмейстеръ явился; еще погода немножго, привели и лошадей. Тутъ папенька велѣлъ намъ пшши садиться. „Прощайте!“ сказала я продавцу пива. — „Прощайте, почи- вайте спокойно,“ закричалъ онъ и сдѣлалъ припомъ такую ужимку, что я насилу удержи- жалась отъ смѣха. Когда же мы усмисъ въ карету, и я вспомнила, какъ моргнулъ и при- сѣлъ добрый продавецъ, желая мнѣ покойной ночи, то невольно расхохоталась. „Не стыд- но ли тебѣ надъ нимъ смѣяться?“ сказалъ па- пенька. „Онъ насъ отъ чистаго сердца обла- скалъ, а вотъ ты ему чѣмъ плашишь. Ты видѣла сей часъ примѣръ грубости дѣйшняго народа: это первый добрый человекъ, кото- раго мы встрѣпили, а ты такъ неблагодар- но противъ него поступаешь! Я отъ тебя этого не ожидалъ.“

Слова сіи пронули меня до сердца. Я почувствовала неосновательность свою, и устыдилась своего поступка. Всего же бо- лѣе огорчило меня то, что папенька называлъ меня *неблагодарною*; такъ дѣйствительно должна была я ему казаться.

Тамъ же.
Проехавъ 350 верстъ Силезіею, мы мало по малу привыкли уже къ обычаямъ Нѣмцевъ,

къ ихъ особенной формѣ домовъ, къ ихъ на-
рѣчію, къ ихъ грубости; къ прекрасному же
климату, къ опрятности, къ трудолюбію,
къ ихъ милой одеждѣ привыкашь не имѣли
надобности, ибо знали все это по описані-
ямъ; къ тому же, человѣку непрудно при-
выкашь къ хорошему, хотя бы и никогда
прежде не имѣлъ онъ о томъ понятія.

Про опрятность и трудолюбіе Нѣмцевъ
я говорила уже выше; теперѣ скажу нѣсколь-
ко словъ про ихъ климатъ.

Какъ пріятно были мы удивлены, уви-
дѣвъ въ Бреславлѣ виноградныя лозы, кото-
рыми покрыты стѣны домовъ. Сначала мы
не вѣрили глазамъ своимъ, думая, что это
хмѣль; но наконецъ встрѣчали повсюду до-
мы, покрытые лозами, на коихъ висѣли кист-
и винограда; изъ окошка можно набрать
цѣлую корзину. Почти у каждаго крестья-
нина есть фруктовый садъ и цвѣтникъ, и
передъ дверьми бесѣдка. Одежда же поселянокъ
совершенно така, какъ у насъ представля-
ютъ на театрѣ, то есть: черная шапочка,
корсетъ, цвѣтной передникъ, и все это опрят-
но и мило одѣлано.

Ахъ, какія мѣста! Боже мой! Ты излилъ
щедрою рукою всѣ блага на счастливую Сак-
сонію. Здѣсь природа во всей красотѣ! Здѣсь
счастіе и довольство начертаны на лицахъ!—

Съ тѣхъ поръ, какъ мы въѣхали въ эту страну очарованія, мы въ непрерывномъ восхищеніи! Въ каретѣ раздаются лишь восклицанія восторга. Кто жъ опишетъ, кто расскажетъ, что мы чувствуемъ, смотря на гористые ландшафты сѣи, мы, привыкшіе къ обширнымъ плоскостямъ Россіи, мы, проѣхавшіе 400 верстъ песчаными равнинами Польши! Теперь у насъ предъ глазами виды, одинъ другаго прелестнѣе, разнообразнѣе, плѣнительнѣе! — Мѣстечки, селенія, бѣдѣйки, цвѣтнички, виноградныя лозы — встрѣчаемъ ежеминутно, а вокругъ глядимъ на цѣпи горъ, живописныя равнины, усаженныя домами, клумбами деревъ и жатвою, на коихъ прудолюбивыя семьи поселянъ съ граблями, съ серпами въ рукахъ, возбуждаютъ восторгъ въ сердцахъ нашихъ, въ сердцахъ, въ коихъ роскошь и великолѣпіе городовъ не потушили любви къ природѣ, человѣчеству, ибо не одна красота мѣстоположенія, прелестъ климата и произведеній содѣлываютъ путешествіе по Саксоніи столь привлекательнымъ для насъ: нѣтъ! счастье и избытокъ народа — вотъ, что всего болѣе насъ восхищаетъ. — Сей часъ встрѣтили мы молодого крестьянина, въ бѣлой, какъ снѣгъ, рубашкѣ, въ камзолѣ, несущаго на рукахъ прехлѣпнаго ребенка своего. За нимъ шла

яркощекая подруга его; на плечъ у нея лежали грабли, на рукѣ висѣла корзина съ кушаньемъ и пивьемъ. Они шли въ поле; поровнялись съ нами — онъ снялъ шляпу; лице его покрыто было потомъ, драгоценная ноша истощила его силы! —

Часомъ позже, въ каретѣ.

Очаровательное мѣстоположеніе! — О: для чего Саксонія не населена Русскими! тогда бы она была для меня земнымъ раемъ! — Теперь у насъ съ правой руки огромная гора, покрытая лѣсомъ; по сторонамъ ея къ сѣверу и югу идутъ цѣпи меньшихъ горъ; между горами разоспаны зеленныя долины, а тамъ между деревьями мелькаетъ красная крыша высокаго баронскаго замка. Липовая аллея ширится между садами замка; на право церковь и сельское кладбище, а на краю дороги нѣсколько сельскихъ домиковъ. На зеленомъ лужкѣ играютъ малышки, и двѣ молодыя женщины развѣшиваютъ между деревьями бѣлье.

Бауценъ. 23 Іюля 1827 г. Полдень.

Мы попали сюда въ самый развалъ. Всѣ улицы заснавлены фурами: видно сегодня торговый день. — До Дрездена осталась только семь миль. Пока перемѣняютъ лошадей, папенька хочетъ здѣсь отобѣдать. Почтабонъ остановился у трактира подъ вы-

вѣскою золотой короны. Толстый Нѣмецъ, въ гороховомъ сюршукѣ, отворяетъ дверцы: папенька спросилъ у него: что будетъ сподобитъ намъ обѣдъ? — „О,“ отвѣчалъ онъ: „у насъ въ Саксоніи не торгуются: положитесь на мою честь!“ — „Отвѣдаемъ Саксонской чести,“ сказалъ папенька, и пошелъ въ слѣдъ за нимъ.

2 часа по полудни. Тамъ же.

Виватъ, господа Саксонцы! Дорога ваша честь, очень дорога; путешественники плащутъ за нее высокою цѣною. Вашъ обѣдъ, господинъ честный пракпирищикъ, обошелся намъ дорогонько: за четыре блюда, которыхъ едва ли можно называть хорошими, вы заставили насъ заплатить четыре палера, тогда какъ за эту цѣну мы имѣли въ Варшавѣ самый прихотливый столъ! — Справно однако жъ, Саксонцы славятся честнымъ народомъ: какъ же это случилось, что насъ въ одно утро два раза обманули? Что они грубы, что они неуслужливы — я это всегда знала, но считала ихъ честнымъ, добрымъ народомъ; теперь же вижу, что блага, судьбою имъ данныя, вкушаютъ они не съ чувствомъ благодарности, но съ чувствомъ грубаго корыстолюбія. Неласковы къ чужеземцамъ, они только ищутъ сорвать съ нихъ побольше денегъ; для того сначала

осыпають они васъ учтивостями; нѣтъ пи-
шла, котораго бы они вамъ не приписали:
„Ваша Свѣтлость, Ваше Высокопревосходи-
тельство, — звенишь безпрестанно у васъ
въ ушахъ, когда вы идете осматривать ихъ
пракширь; но едва рѣшился вы у нихъ
остановиться, какъ мало по малу сбавляютъ
вамъ пишла, помаленьку убываетъ услуж-
ливость, и наконецъ на-силу глядятъ на
васъ, едва отвѣчаютъ на ваши вопросы. —
Вотъ, что замѣтила я во всѣхъ пракши-
рахъ Саксоніи, и теперь, просматривая
журналъ свой въ Дрезденѣ, могу по же самое
подтвердить, ибо здѣсь съ нами поступаютъ
почти такъ же, какъ въ Бауценѣ, въ Герлицѣ
и въ Лобау.

Суббота. Послѣ обѣда въ каретѣ.

Какъ я довольна! Мы нашли истинно
сельскую умѣренность, простоту и благо-
дарныя сердца. Я люблю человѣчество; мнѣ
всегда пріятно, когда я встрѣчу добрыхъ лю-
дей. — За часъ ѣзды опѣ Бауцена, папенька
велѣлъ остановиться; надо было укрѣпить
дорогу, которая еще предъ Бауценомъ лопну-
ла. Мы вышли изъ кареты, и пошли вдоль
по деревенькѣ поискавъ молока или свѣжей
воды, ибо намъ очень хотѣлось пить; при-
ходимъ къ ручью, текущему по камнямъ по-
среди деревни; пожилая дѣвка мыла путь

бѣлье; мы попросили у нее молока или холодной воды; она своимъ грубымъ Саксонскимъ нарѣчiемъ оповѣчала намъ, что пойдеть спросить у хозяйки. У ручья лежали два обтесанные камни; мы сѣли въ ожиданiи ея возвращенiя. — Тупъ, какъ и по всей Саксонiи, мѣстоположенiе было живописное; по обѣимъ споронамъ ручья были дома поселенъ, передъ каждымъ домомъ садикъ, въ коемъ пестрѣлись цвѣты; вблизи споялъ скирдъ хлѣба, а вокругъ играли ребятишки. — Ручей, перебирался по камешкамъ, заворачивалъ влѣво, а съ правой спороны высокiй кушарникъ закрывалъ до половины сельскiй домикъ, котораго красная черепичная крыша, выглядывая сквозь зелень, придавала еще болѣе красоты сему маленькому мѣстечку. На горизонтѣ синѣлись горы. Мы терпѣливо ожидали возвращенiя Саксонки, ибо прохлада совершенно оживила наши изнуренныя отъ дневнаго жара и духоты силы. Наконецъ она пришла съ оповѣдомъ, что хозяйка въ Бауцентѣ на ярмаркѣ, а безъ нее молока нельзя достать; и такъ, насытивъ свои взоры и отдохнувъ въ тѣни, мы пошли далѣе искать молока. Подходили къ нѣсколькимъ домикамъ, но вездѣ получали отказъ, ибо вездѣ были дома только работницы. Мы хотѣли уже возвратиться, какъ увидѣли молодую женщи-

ну, бѣдно, но чисто одѣтую, которая пристально на насъ смотрѣла. Мы подошли къ ней, и я спросила, не можешь ли она продать намъ молока. — „У меня нѣтъ“, отвѣчала она — „но я могу достать. Пожалуйста покайтесь къ намъ; вотъ бесѣдочка; вы можете здѣсь отдохнуть.“ — Мы послѣдовали за услужливою поселницей, и въ самомъ дѣлѣ предъ дверьми была бесѣдочка, въ которой сидѣла старушка и вязала чулокъ. — „Здравствуй, добрая женщина!“ сказали мы ей. — „Добро пожаловать, милостивые господа!“ отвѣчала она: — „милости просимъ у насъ здѣсь отдохнуть.“ Между тѣмъ дочь сказала ей что-то на ухо, и она скорыми шагами вышла изъ бесѣдки; мы оспались съ молодою женщиной и попросили ее показать намъ свой домикъ. „О!“ отвѣчала она: „мнѣ совѣстно вести васъ туда, добрые господа; мы живемъ въ одной горницѣ, и сегодня я не успѣла еще все приготовить къ завтрашнему дню!“ — „Нужды нѣтъ, хопимъ видѣть.“ — Сказавъ сіе, мы встали, отворили дверь и вошли въ веселую горенку, которая плѣнила насъ своею опрятностію: стулья, столы, полъ, все было вымыто; на кровати надѣло было чистое бѣлье; въ стеклянномъ шкапу стояла простая, каменная, но споль чисто вымытая

посуда, что въ ней, какъ въ зеркалѣ, отражались всѣ окружные предметы. — На окошкѣ стояли цвѣты. — Налюбовавшись, мы обратились къ молодой женщинѣ, чтобъ похвалить ея опрятное и миленкое жилище; — она стояла прижавшись къ стѣнѣ, какъ-бы стыдясь чего-то; но намъ нельзя было долѣе оставаться. Вручивъ ей половину гульдена и поблагодаривъ за ласку, мы поспѣшили возвратиться къ каретѣ, опасаясь, что и по засадили уже папеньку дожидаться. Она слѣдовала за нами, изъясняя намъ свою признательность, и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дому увидѣли мы старушку съ кружкою молока, идущую къ намъ на встрѣчу. Mutter, sieh, wie viel Geld! — (Мапушка, погляди, сколько денегъ!)“ — закричала ей молодая женщина, поднявъ монету въ верхъ. „Что же молоко-то?“ — спросила старушка. — Мы подошли къ ней, глядя на деньги, которыя дочь ея все еще держала въ верхъ. Одною рукой подавала она намъ кружку съ молокомъ, а другою шарилъ въ карманъ, говоря озабоченнымъ видомъ: „мнѣ надо сдать, сей часъ я слышу.“ — „Нѣтъ, нѣтъ,“ — закричали мы въ одинъ голосъ: „это все вамъ.“ — „Возможно ли?“ — сказала добрая старушка: „такъ много денегъ, и всѣ намъ! О добрые господа, благодаримъ васъ! Tausend Dank, tausend Dank, повторяли

мать и дочь, провожая насъ. — Тронутыя до глубины сердца, возвратились мы къ каретѣ; дрога была уже готова, мы сѣли, поѣхали и дорогою рассказали папенькѣ о сихъ добрыхъ и благодарныхъ людяхъ. У папеньки навернулись слезы, когда онъ слушалъ нашъ рассказъ.

(Продолженіе впереди.)

II.

К Р И Т И К А

Замѣчанія на сочиненіе А. С. Пушкина: *Борисъ Годуновъ*.

(Продолженіе.)

Изъ сей выписки содержанія, въ которой я старался ни прибавить, ни убавить, какъ связи, такъ и несвязности, видно, что дѣйствіе Драмы не имѣетъ ни единства, ни полноты; ибо сначала дѣйствующая сила содержится въ Борисѣ, а съ четвертой сцены все принимаетъ другой видъ: дѣйствіе происходитъ изъ Самозванца, такъ, что Бориса уже нѣтъ, а Драма все еще идетъ. Множество совершенныхъ картинъ, которыя хотя мастерски отдѣланы, не имѣютъ здѣсь

ни какой цѣли, и ни мало не способству-
ють ходу цѣлаго; на примѣръ: разговоръ Па-
триарха съ Игуменомъ, превосходно изобра-
жая важную духовную особу того времени,
ни сколько не развиваетъ общаго дѣйствія.
Слѣдующая за тѣмъ сцена, въ которой два
Столбника превратно изображаютъ харак-
теръ Царя, а сей, хотя довольно вѣрно, но
совершенно не у мѣста описываетъ харак-
теръ народа — есть лишняя. Балъ у Мни-
шека, и слѣдствіе онаго — свиданіе у Фонпа-
на, не имѣютъ ни малѣйшей связи ни съ
предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ, и проч.

Дѣйствіе сіе и онъ того теряетъ един-
ство, что Сочинитель взялъ время разноха-
рактерное, ибо во время избранія Бориса,
народъ любилъ его, и желаніе имѣть его Ца-
ремъ было всеобщее, единодушное, искреннее;
да и самъ Борисъ находилъ пищу для своего
честнолюбія въ благопрованіи народу; власто-
любіе его было тѣсно соединено съ пользами
Государства; а подъ конецъ его царствованія,
безумные временщики, низкіе доносчики
и клеветники распоргли взаимную довѣрен-
ность между Царемъ и народомъ, а тѣмъ,
разрушивъ счастіе того и другаго, возроди-
ли взаимную ненависть. Тогда Царь по вре-
менамъ прибѣгалъ къ мѣрамъ жестокимъ, не-
навидимымъ народу, а сей послѣдній, забывъ

благодѣянія, сдѣлался неблагодарнымъ: подстрекаемый Боярами, ропталъ на Царя Бориса и позорно предалъ родъ его. По сей разнохарактерности все сіе время не можешь входить въ одну Драму, хотя бы оно въ пяти часахъ заключалось, — предположимъ невозможное. Дѣйствующія лица здѣсь въ началѣ Драмы являющіяся съ такими побужденіями и желаніями, которыхъ онѣ послѣ бѣгутъ, не терпятъ. Народъ пламенно желаетъ власпи Годунова, потомъ хладнокровенъ къ ней, наконецъ ненавидитъ ее. Это естественнѣе въ Исторіи, позволеннѣе въ Романѣ; но въ Поэмѣ, а преимущественно въ Драмѣ, шаковое разночувствіе можешь быть допущено въ такомъ только случаѣ, когда то и другое чувствованіе истекаютъ изъ одного источника, или когда одно изъ другаго рождается непосредственно, какъ, напримѣръ, любовь и мщеніе за истинную или мнимую невѣрность. Здѣсь любовь берется только какъ завязка, — начало; ревность — дѣйствіе, мщеніе — развязка, и потому только совмѣщаются въ одномъ произведеніи, что отдѣльно существовать не могутъ. Григорій (а кто онъ? откуда и зачѣмъ здѣсь? это загадка!) — является вначалѣ простымъ мечтателемъ, не понимаетъ даже сна, предвѣщающаго участіе его, завидуешь без-

надежно молодымъ, со славою проведеннымъ, лѣтамъ Пимена, угрожаетъ Борису судомъ божескимъ и человѣческимъ безъ всякихъ изъѣдовъ, и вдругъ въ слѣдующей же сценѣ говорятъ о немъ, какъ о Самозванцѣ. Борисъ совсѣмъ не имѣетъ характера: онъ дѣйствуетъ несравненно менѣе, нежели въ Исторіи, хотя мы отъ Поэзіи ожидаемъ всегда болѣе; хотимъ видѣть не только дѣйствительное, но и непременно возможное, — и не встрѣчаемъ ни одного рѣшительнаго движенія воли его, кромѣ возвышенія Басманова. Посему онъ ни сколько не занимаетъ насъ, не возбуждаетъ ни какого участія. Впороспеленныя лица совершенно не дѣйствуютъ; ни одно изъ нихъ не имѣетъ собственнаго желанія, или идеи, такъ сказать, движущей и привлекающей его къ общему дѣйствію. Доказательства сего мнѣнія будутъ послѣ, для избѣжанія повтореній.

Съ одной стороны излишество или неумѣстное введеніе случаевъ, неимѣющихъ ничего драматическаго, съ другой — опущеніе необходимыхъ для сообщенія характера дѣйствію, для возбужденія участія, и притѣ, какъ слѣдствіе того и другаго — недостатокъ связи въ ходѣ цѣлаго, представляютъ Драмѣ въ отрывкахъ, заспаваютъ безпрестанно переселяться съ одного мѣста на

другое безъ всякой нужды. Это кочеваніе происходитъ отъ того, что Поэтъ выбираетъ мѣста, которыя совсѣмъ неспособны развити дѣйствіе, а иногда мѣсто прямо противорѣчитъ дѣйствию.

Все, сказанное доселѣ, вообще яснѣе можно видѣти изъ частнаго разбора каждой сцены въ отдѣльности самой по себѣ, и въ отношеніи къ другимъ. Но сіе предполагаемое разсмотрѣніе покажетъ намъ и множество частныхъ красотъ, истинно высокихъ.

О первой сценѣ можно замѣтить, что она происходитъ на такомъ мѣстѣ, которое спѣсняетъ ее и необходимо заставляетъ, прервавъ дѣйствіе, перенести оное потчасъ на другое мѣсто, болѣе приличное; ибо нужно показати участіе народа въ дѣлѣ избранія Царя; да и время выбрано неудачно. Если бы Поэтъ началъ свою Драму послѣднимъ днемъ избранія, то всѣ при первой сцены составили бы связное и богатое дѣйствованіемъ начало, а преимущественно послѣдняя изъ нихъ могла имѣти и особенную силу и занимательность, когда бы она происходила всенародно; и шутъ какой нибудь случай или злонамѣренность бросили бы сѣмя будущей бури, которая бы предугадываема была зрителемъ или читателемъ, а не дѣйствующими; тогда сіе начало имѣло бы

связь съ послѣдующимъ, родило бы ожиданія, предположенія, опасенія. 2-е. Шуйскій, копто-раго, не говорю объ Исторіи — и Воропынскій и самъ Борисъ называютъ *лукавымъ царедворцемъ, уклончивымъ, несмѣлымъ и лукавымъ*, — здѣсь является заиспуганнымъ говоруномъ; онъ рассказываетъ безъ всякой надобности, безъ цѣли, о убіеніи Царевича, о своемъ погворствѣ злодѣянію, разсуждаетъ о преимуществѣ своихъ правъ на престолъ предъ Годуновымъ. Правда, цѣль сего послѣдняго поступка ясно выражена въ стихахъ:

„Когда Борисъ хитришь не пересташь,
Давай народъ искусно волновашь;
Пускай они ославятъ Годунова;
Своихъ Князей у нихъ довольно, пусть
Себѣ въ Цари любого изберуть.“

Но неужели это слова хитраго честолобца? — Мысль, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ естественная, слѣдовательно позволительная Поэту, который вымыслами украшаетъ историческія наши свѣдѣнія, и, такъ сказать, пополняетъ дѣйствительное возможнымъ; и всего приличнѣе родиться ей въ головѣ Шуйскаго, который, вѣроятно, не изъ одного страха, какъ онъ увѣряетъ Воропынскаго, скрылъ злодѣяніе Бориса — если только оно было, — его могли склонять къ тому и различныя надежды, ближайшія или оп-

даленныя. — Но какъ сія, ужасно смѣлая мысль, выражена человѣкомъ хитрымъ, столь прямо, открыто, сказана человѣкомъ честнымъ, бивымъ столь холодно, мимоходомъ, и кому же? Воропынскому! — Человѣку, который при всемъ вліяніи на него мѣстническаго духа, вѣришь опъ души, что Годуновъ исполнилъ предъ ними! — Шуйскій здѣсь представленъ столь *хитрымъ*, что самъ долженъ былъ напомнить о семъ Воропынскому. — 3-е. Сцена сія не можетъ похвалиться и Поэзією: — прелестныя, легкіе *Пушкинскіе* стихи, — но нѣтъ ни чувствованій, ни смѣлыхъ мечтаній, ни высокихъ мыслей. Нельзя также не замѣтить здѣсь совсѣмъ не-поэтическаго сравненія:

„Борись еще поморщился немного,

Что пьяница предъ чаркою вина“....

Это сравненіе не всегда можетъ быть позволено даже въ Комедіи, и припомъ выраженіе: *что* пьяница *предъ* чаркою поморщился, неправильно, ибо чашица *что* тогда только употребляется въ сравнительномъ смыслѣ, когда мы сравненіе произносимъ съ удивленіемъ, отдавая преимущество сравниваемой вещи предъ тою, съ которою она сравнивается. Напримѣръ: *рубашка на немъ что кленовъ листъ*, или: *что* пшвей кленовъ листъ!

Вторая сцена, происходящая на Красной площади, во-первыхъ доказываетъ безхарактерность Шуйскаго, который, вопреки своему плану и обещанію, не пользуется притворнымъ или истиннымъ упрямствомъ Бориса и раздражительнымъ состояніемъ народнаго духа, который въ такихъ обстоятельствахъ легко воспламеняется. Во-вторыхъ, она представляетъ и народъ также безхарактернымъ, ибо слышавъ стихи:

*О Боже мой, кто будетъ нами править?
О горе намъ!*

мы ожидаемъ отъ народа сильныхъ движеній, настоятельныхъ требованій, подспрежаемыхъ недовѣрчивостію и неперпѣніемъ. Но чѣмъ же все кончилось? Верховный Дьякъ выходитъ, рассказываетъ о послѣднемъ предполагаемомъ средствѣ убѣжденія Годунова, совѣтуетъ народу идти по домамъ, и народъ молча расходится. Какой быстрый и неестественный переходъ отъ спрашки къ спокойствію! — Едва ли возможно такъ легко управиться и съ однимъ человѣкомъ! — Вообще сцена сія необходима для цѣлости Драмы; но ежели допустить ее въ такомъ видѣ, какъ она теперь, то она не имѣетъ цѣли, ибо не выражаетъ ни слѣдствія предыдущей, ни причины слѣдующей.

Еще слово о народной жалобѣ, и именно о выраженіи: *о Боже мой!* Это голосъ не Русскаго народа. Русскій одинъ не скажетъ о Богѣ: *мой*, а говоритъ обыкновенно: *нашъ*; и припомъ Русскіе любящъ сложные восклицанія и воззванія, какъ напримѣръ: *Ахъ, Господи, Боже нашъ!* О Пресвятая Богородица! и т. п. — Конечно, у другаго Писателя такія обмолвки можно опустить безъ замѣчанія, а иногда даже грѣшно замѣчать; но Г. Пушкинъ, понявъ вполнѣ характеръ Русскаго языка, не долженъ особенностями и красотою его жертвовать упрямству стиха.

За симъ слѣдуетъ согласіе Бориса на принятіе короны; оно конечно кажется слѣдствиемъ предшесвующаго; но гдѣ эта спрога послѣдовательность, въ которой Поэма, Драма и Исторія равно нуждаются, чтобъ читатель видѣлъ необходимое, непрерывное теченіе случаевъ одного за другимъ, которыя бы всѣ вмѣстѣ изображали человѣчество въ томъ или другомъ отношеніи? Исторія ограничивается дѣйствительностію; Поэма ведется къ мечтательно-возможному, а Драма стремится къ непременно возможному. — Борисъ принимаетъ корону (и между прочимъ хитрый Шуйскій отказывается отъ словъ своихъ, и тѣмъ даетъ противъ себя орудіе безхарактерному Воробьевскому). Но какъ

происходило избраніе, которое и въ Истории умилиительно и въ дѣйствительности очаровательно? Поэтъ, по какому-то непонятному выбору, все это выпустилъ, и только сказалъ, что совершилось — даже не разсказалъ, какъ. Посему во всѣхъ сихъ прехъ сценахъ нѣтъ ни прицѣпи поэтическихъ стиховъ. Это прекрасная проза! — Вотъ, по моему, мнѣнію самое лучшее мѣсто: Борисъ говоритъ:

Ты, отче Патриархъ, вы всѣ, Бояре :
 Обнажена моя душа предъ вами:
 Вы видѣли, что я приѣмлю власть
 Великую страхомъ и смиреніемъ.
 Сколь тяжела обязанность моя!
 Наслѣдуя могущимъ Іоаннамъ —
 Наслѣдую и Ангелу — Царю — !
 О праведникъ! О мой отецъ державный!
Возри съ небесъ на слезы вѣрныхъ слугъ,
 И ниспошли тому, кого любилъ ты,
 Кого ты здѣсь споль дивно возвеличилъ,
 Священное на власть благословеніе:
 Да правлю я во славу свой народъ,
 Да буду благу и праведенъ, какъ ты.

Человѣкъ обыкновенный, истинно боявшийся воцаренія, въ подобныхъ обстоятельствахъ конечно не могъ бы говорить иначе; но Борисъ, шопъ самый, каковымъ представляють намъ его Историки и Поэты, не могъ говорить такимъ образомъ. Следова-

пельно и эти прекрасные, умилительные спихи несообразны лицу говорящему.

Четвертую сцену можно считать началом Драмы. И если бы Драма сия была названа *Григорій Отрепьевъ*, если бы сей герой открылъ здѣсь свои намеренія, хотя не прямо, то и дѣйствіе ея менѣе бы отступало отъ единства. Здѣсь является и Поэзія, достойная Г. Пушкина; особенно же описывается рѣчь Лѣтописца *Пимена*, монаха Чудова монастыря; напримѣръ:

На старости я сызнова живу,

Минувшее проходишь предо мною. —

Давно ль оно неслось событій полно,

Волнуясь, какъ море Окіянь?

Теперь оно безмолвно и спокойно:

Не много лицъ мнѣ память сохранила,

Не много словъ доходишь до меня,

А прочее погребло невозвратно!

Поэтъ совершенно понялъ Пимена въ его положеніи. Представимъ себѣ старца, который, какъ свидѣтель дѣлъ великихъ и ужасныхъ, не въдал ни жалости, ни гнѣва, ведетъ Лѣтопись и надеется, что его правдивыя сказанья прейдутъ пшму забвенья, что онъ есть органъ суда человѣческаго надъ Правителями міра, что онъ *свѣдѣетъ*,

Да вѣдаютъ потомки православныхъ

Земли родной минувшую судьбину,

Своихъ Царей — великихъ поминають
 За ихъ пруды, за славу, за добро —
 А за грѣхи, за темныя дѣла,
 Спасителя смиренно умоляютъ.

Какая великая мысль! Споятъ между предками и потомствомъ, и маніемъ руки, силою слова, передаваяъ минувшее грядущему! — Спарецъ, стоя предъ прагомъ вѣчности, видишь, какъ дѣла предковъ назидательны, какъ онѣ близки къ сердцу потомства; видишь, какъ это все *невозвратно погибаетъ*; озираешь свой вѣкъ, богатый дѣлами, и — долгую жизнь и *книжное искусство* — даръ, въ то время великій — посвящаетъ на службу человечеству. Мысль геніальная, высокая! Она имѣетъ столько силы, чтобъ воспламенить самую дряхлую старость. Но сія воспламененность выражена языкомъ старца, снова почувствовавшаго жизнь, языкомъ сообразнымъ предмету и въ сплхахъ прекрасныхъ, легкихъ, звучныхъ, словомъ: здѣсь видѣнь *Пушкинъ*! — Оспальная часъ сцены сей, хотя споятъ выше сценъ предшествующихъ, но не имѣетъ того величія, какого бѣ можно было ожидать по многимъ условіямъ. Сонъ Григорія разсказанъ особенно слабо: если предположить, что Григорій въ то время замышлялъ уже низверженіе Годунова, то сіи царственныя грѣзы должны сильно волновать его надменную без-

покойную душу, и сонъ его долженъ быть ужасенъ; если же эпитъ сонъ предупредилъ самый зародышъ сихъ умысловъ, если онъ былъ, такъ сказать, пророческій, то самое свойство его пребуесть источника сильнаго; онъ можеъ происпекаъ только изъ души смѣлой, пламенной, способной, въ минуты восторговъ и раздражительныхъ потрясеній, сквозь тѣлесную преграду провидѣть будущее въ чистыхъ или иносказательныхъ видахъ. Это была бы самая возвышенная, смѣлая и пламенная Поэзія. Мечты Григорія, и преимущественно воспоминанія Пимена о царствованіи Іоанна и Θεодора, о кончинѣ сего послѣдняго, — дышащъ Поэзіею легкою, прелестною. Разсказъ старца объ ужасной смерти Димитрія Царевича исполненъ силы; необыкновенная быспропта даеъ ему рѣдкую живость, а простота сообщаетъ прогашельную выразительность:

„Охъ, помню!

Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое время посланъ послушанье.

(Стихъ тяжель.)

Пришелъ я въ ночь. На ушро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ: ударили въ набашъ;
Крикъ, шумъ. Бѣгушъ на дворъ Царицы. Я
Спѣшу туда жъ — а памъ уже весь городъ.

Гляжу: лежишь зарѣзанный Царевичъ;
Царица мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяннѣ рыдаетъ,
А тамъ народъ, оспервевшись, волочитъ
Безбожную предашельницу мамку . . .“ и. т. д.

Это образецъ обыкновенной Г. Пушкина Поэзіи — искусное соединеніе легкости съ важностью!

Монологъ Григорія силенъ, однако оставляетъ еще желать многого, и припомъ наводитъ какое-то тяжелое недоумѣніе: ибо любопытство, искаженность Григорія, ненависть его къ Борису и нѣкоторыя послѣдствія рождаютъ мысль, что онъ уже давно питалъ замыслы свои; но, не выразивъ ихъ прямо въ настоящей сценѣ, даетъ поводъ думать, что замыслы сіи родились въ немъ случайно, вдругъ. Зачѣмъ поставлять чистаго въ такое недоумѣніе, которое закрываетъ истинный характеръ героевъ?

(*Продолженіе впереди.*)

III.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Объ источникахъ богатства въ Политической
Экономіи.

Я не намѣренъ здѣсь излагать мнѣній Писателей Политической Экономіи въ разсужденіи того, кто какъ изъ нихъ думаетъ объ источникахъ богатства. Скажу вообще только, что природа, трудъ и капиталъ состоятъ изъ сихъ главныхъ дѣйствующихъ, но что одни Писатели вліяніе на богатство приписываютъ исключительно труду, другіе природѣ, иные капиталу, а нѣкоторые болѣе или менѣе относительному дѣйствию всѣхъ трехъ. Въ слѣдующей статьѣ я рѣшился представить свое мнѣніе о семъ важномъ предметѣ Политической Экономіи, разбирая вмѣстѣ оный, какъ предметъ Философіи и Политики.

Что есть вообще природа? Природа, въ наслощемъ своемъ значеніи, есть совокупность дѣйствій всего того, что находится въ мірѣ, всѣхъ явленій первоначальной причины — Бога. Слѣдственно въ семъ понятіи природы(*) заключаются сипхи, составляющія необхо-

(*) Здѣсь разумѣется одинъ Земной шаръ.

димое условіе бытія всѣхъ твореній, равно самыя творенія, камни, металлы, растенія, животныя и наконецъ человѣкъ. Въ полипико-экономическомъ смыслѣ природа означаетъ все то, что противоположно человеку. Здѣсь мы должны представлять его, какъ субъектъ, а природу, какъ объектъ его дѣйствованія. Разсматривая вещи въ послѣднемъ значеніи природы, мы находимъ, что однѣ изъ нихъ могутъ подлежать исключительной собственности человека, какъ-то: земли, растенія, животныя и пр.; другія же, напротивъ, никакъ не могутъ входить въ кругъ оной, какъ-то: воздухъ, свѣтъ, вода (*), и т. д. Причина сего различія состоитъ въ томъ, что послѣднія вещи находящіяся частію въ неограниченномъ количествѣ, частію невозможны къ непосредственному обладанію, между тѣмъ, какъ количество первыхъ есть нѣкоторымъ образомъ опредѣленное, а потому онѣ и могутъ быть удержаны ихъ пріобрѣтателями въ своемъ исключительномъ распо-

(*) Мы не беремъ во вниманіе малозначительныхъ исключеній, напр., что не можно пользоваться водою изъ колодезей, принадлежащихъ какому либо владѣльцу земли, безъ позволенія его, — тѣмъ болѣе, что таковыя исключенія имѣютъ свою силу по причинѣ собственности самой земли.

ряженіи. — Впрочемъ въ слѣдствіе жизни, движенія и раскрытія силъ Земнаго шара, и сіи вещи болѣе и болѣе умножаются. Въ процесъ такого непрерывнаго умноженія главное дѣйствующее лице составляетъ человѣкъ, какъ конечное твореніе всего міра, одаренное разумомъ и свободою. Дѣйствіе сіе человѣка на природу бываетъ двоякое: физическое и нравственное, такъ какъ онъ одаренъ силами физическими и нравственными, или силами тѣла и души. — То и другое дѣйствіе происходитъ всегда неразрывно, сосредоточиваясь въ большемъ или меньшемъ взаимномъ соотношеніи; напр.: въ самыхъ простыхъ механическихъ работахъ человѣкъ владѣетъ почти однимъ физическимъ трудомъ, а въ приобрѣтеніи теоретическихъ познаній дѣйствуютъ почти однѣ силы нравственныя или силы нашей души. Прочія занятія человѣка въ разныхъ степеняхъ относятся или къ труду нравственно-физическому, или къ труду физико-нравственному.

Внимательное обозрѣніе Земнаго шара открываетъ намъ, что трудъ обнаруживаетъ всю свою силу въ умѣренной полосѣ онаго, Европѣ, а природа, объектъ его дѣйствія, во всемъ своемъ блескѣ является въ жаркомъ поясѣ, слѣдственно въ другихъ частяхъ Свѣта. Произведенія сихъ послѣднихъ нерѣдко,

при весьма маломъ употребленіи труда, произрастаютъ въ чрезвычайномъ изобиліи. Самое царство животныхъ, какъ и царство ископаемыхъ, отличается въ оныхъ необыкновеннымъ своимъ разнообразіемъ и другими многими особенностями. Причина такого богатства природы для всѣхъ очевидна. Напротивъ Европа, въ сравненіи съ оными землями, сама по себѣ, можно сказать, бѣдна своими произведеніями, особенно сіе незавидное состояніе ея было во времена младенчества. Посему тогда, когда земли Азии и Африки лѣлялись самою природою, а жители оныхъ, добывая легко тысячи разнообразныхъ произведеній, постоянно предавались нѣгѣ, безопасности, — Европейцы должны были употреблять всѣ возможные усилія къ преодолѣнію трудностей природы, для полученія достаточнаго количества произведеній. Съ умноженіемъ народонаселенія, увеличеніемъ общественныхъ связей, слѣдственно и самыхъ потребностей, трудъ постепенно въ Европѣ возрасталъ — усиливался. Не смотря на сіе, такіе успѣхи Европейцевъ имѣли бы свою ограниченность, если бы естественное богатство земель другихъ частей Свѣта не представилось ихъ изыскательному взору. Желаніе обладать сими землями, чтобы обладать самымъ богатствомъ, сильно воз-

будило ихъ физико-нравственную дѣятельность, — и въ слѣдствіе сего торговля быстро подвинулась, моря покорились владычеству ума, съ тѣмъ вмѣстѣ воспоржествовавшего и надъ безпечностію, невѣжествомъ богачей природы. Чрезвычайные же успѣхи торговли привели въ движеніе и прочія отрасли промышленности. Всякой искалъ дорогихъ произведеній жаркаго пояса, коими суровая природа Европейцевъ какъ бы нѣжилась, — и средство къ пріобрѣтенію оныхъ всякой находилъ въ умноженіи или произведеніи земледѣлія, или мануфактурныхъ издѣлій. — Въ сію-то блистательную эпоху народнаго возбужденія — все въ Европѣ начало принимать другой видъ. Самыя нравственные силы почувствовали, такъ сказать, воззваніе къ себѣ силъ физическихъ. Впрочемъ многія особенныя обстоятельства способствовали къ раскрытію, совершенствованію оныхъ. Кто хотя нѣсколько углублялся въ Политическую Исторію среднихъ вѣковъ, тотъ легко можетъ обнять всю сферу перемѣнъ, происходившихъ въ жизни и возрастаніи Европы.

Но не одна физическая природа другихъ частей Свѣта имѣла непосредственное вліяніе на раскрытіе силъ Европы. Природа нравственная равно нѣкогда поражала въ оныхъ

народы своимъ величіемъ и совершенствомъ. Тамъ нерѣдко Исторія представляетъ тѣхъ чрезвычайныхъ мужей, которые, какъ бы напущенные самымъ Божествомъ, открывали безусловные, священнѣйшіе его законы. Возвышенная созерцательность первоначально свойственна была климату жаркому. Однако напряженіе сіе нравственной природы никакъ не можно назвать въ строгомъ смыслѣ нравственнымъ трудомъ чловѣка, ибо оно непосредственно, какъ бы само собою обнаруживалось, подобно тому, какъ безъ особеннаго усилія чловѣка, распочаешь свои дары физическая природа : необыкновенные гении древности были, такъ сказать, представительствами самой природы, созерцавшейся въ нихъ и обнаруживавшей себя чрезъ нихъ. Когда же божественные законы, ими изложенные, въ послѣдствіи мало по малу были перенесены въ Европу — жители сей послѣдней почувствовали въ нравственной своей природѣ то усиліе, которое было необходимо нужно для постиженія, усвоенія оныхъ. Здѣсь уже природа была въ полной мѣрѣ лицомъ не спрадасельнымъ, но дѣйствующимъ. И такъ нѣтъ сомнѣнія, что Европа, раскрытіемъ физическаго и нравственнаго своего труда въ самомъ основаніи, обязана непосредственному вліянію другихъ частей Свѣта: безъ

сего она никогда не могла бы достигнуть нынѣшняго своего возвышенія, богатства и образованности.

Сообразивъ все сіе, что мы сказали въ разсужденіи природы и человѣка, мы должны безспорно заключить, что природа составляетъ собственно основаніе богатства, а трудъ физико-нравственный есть въ точномъ значеніи своемъ источникъ онаго. Разсмотримъ теперь, въ какомъ отношеніи къ онымъ находятся капиталы.

Человѣкъ, дѣйствуя на природу, всегда находилъ себя въ необходимости запасаться такого рода вещами, которыя должны были служить, такъ сказать, орудіями сего дѣйствія, — и чѣмъ болѣе распространялись общественныя связи, увеличивались нужды, прихоти, тѣмъ въ большей степени умножались и сіи орудія. Къ числу оныхъ относятся машины, разные усовершенствования, первоначальныя произведенія и п. п. Всякая промышленность для своего производства требуетъ особенныхъ сего рода принадлежностей. Сіи принадлежности и называются, въ смыслѣ политико-экономическомъ, капиталомъ. Слѣдственно тѣ предметы, которые назначаются для непосредственнаго употребленія, не могутъ относиться къ капиталу, хотя они и могутъ быть обращены въ оный. Равно,

что у одного составляет капиталъ, то у другого можетъ служить для непосредственнаго употребленія. Капиталъ также, какъ и прочія вещи, подлежитъ скорому и медленному употребленію, всегда однако оный имѣетъ цѣлю свою произведеніе вещей или другаго рода, или того же рода, но въ большемъ количествѣ; напр., шерсть у фабриканта назначается для дѣланія сукна, сѣмена у земледѣльца заготовляются для посѣва. Сравнивая означенныя нами существенныя качества капитала, мы очевидно усмаатриваемъ, что онъ не есть ни основаніе богатства, ни источникъ онаго, но есть нѣкоторымъ образомъ посредникъ между тѣмъ и другимъ. Первоначально онъ также пріобрѣтается трудомъ; различіе только то, что вещи, заключающіяся въ ономъ, даже тѣ, которыя прежде были въ смѣси съ вещами, назначаемыми для непосредственнаго употребленія, составляютъ совершенно особенную сферу (*). Раздѣленіе сіе весьма важно по разнымъ причинамъ, особенно потому, чтобы знать, въ какой соразмѣрности они, т. е. капиталъ и

(*) Посему несправедливо было бы смѣшивать дѣйствіе капитала съ дѣйствіемъ самаго труда, какъ-то дѣлають нѣкоторые новѣйшіе Писатели, и самый глубокий мыслитель, Рикардо.

прочія произведенія, всегда должны находить-
ся между собою. Ибо если не соблюдается
между оными надлежащее равновѣсіе, то
всегда происходитъ или накопленіе произве-
деній, какъ товаровъ, или недостатковъ оныхъ:
Въ сей краткой статьѣ я не могу входить
въ подробности столь важнаго предмета,
который служишь узломъ многихъ споровъ
между знаменитыми новѣйшими Писателями.

И такъ теперь мы знаемъ, въ какой су-
щественной связи находятся между собою
три главные дѣйствователя или агента бо-
гатства — природа, трудъ и капиталъ.
Вообще, чѣмъ болѣе первая способна къ про-
изведенію разнообразныхъ продуктовъ, такъ
же чѣмъ многосложнѣе, выше и совершеннѣе
въ своемъ раскрытіи второй, и наконецъ
чѣмъ обширнѣе и правильнѣе раздѣленъ пре-
стій, тѣмъ Государство можетъ быстрѣе
спремишься къ своему совершенствованію,
тѣмъ приобрѣтеніе и умноженіе богатства
безопаснѣе, вѣрнѣе.

Послѣ сего спрашивается: какому дѣй-
ствователю должно отдасть большее преиму-
щество? Какой изъ нихъ важнѣе въ своемъ
вліяніи на богатство? — Замѣчанія, сдѣлан-
ныя нами въ отношеніи Европы и другихъ
частей Свѣта, по видимому, склоняють всѣхъ
сравненія въ пользу труда. Мы оныя можемъ

примѣнныя и къ самымъ Государствамъ Европы. Кому не извѣстно, что въ Англіи и Голландіи первоначально природа не слишкомъ благопріятствовала непосредственному увеличенію богатства? Худой, влажный климатъ, неплодородіе многихъ земель предвѣщали онымъ явную, всегдашнюю бѣдность; но трудъ все превозмогъ: посредствомъ необыкновенныхъ усилій жители наконецъ успѣли воспоржествовать надъ природою, и богатствомъ своимъ далеко опередили жителей тѣхъ Государствъ, которыми, по видимому, въ началѣ все льстило величайшими будущими выгодами. Съ другой стороны нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что иногда природа поставляетъ чрезвычайныя и почти непреодолимыя препятствія самому труду, напр., въ отдаленныхъ странахъ Сѣвера. Положимъ, что въ оныя преселились бы образованные дѣятельные Англичане, или трудолюбивые Голландцы, и положимъ, что они все, что только ни относилося до производства труда, перенесли бы съ собою въ тѣ земли: ужели мы думаемъ, что они такъ же счастливо тамъ преодолѣли бы трудности природы, какъ успѣли въ семъ въ собственныхъ своихъ земляхъ? Спранно было бы допустить это. Не спорю, что, можетъ быть, наступитъ то время, когда самые Сѣверъ и Югъ придутъ въ нѣко-

порое равновѣсное соотношеніе къ центральнымъ полосамъ Земнаго шара, и послѣдуютъ тѣмъ же переменамъ, которыя претерпѣли уже среднія части онаго, но для сего потребны еще многія столѣтія. Впрочемъ, поелику совершеніе всѣхъ сихъ явленій опять не иначе возможно, какъ чрезъ непосредственное дѣйствіе самаго труда, то сіе рѣшительно заставляетъ думать, что трудъ въ сферѣ физическаго совершенствованія народовъ стоитъ выше природы, объекта своего дѣйствія.

То же сравненіе удобно прировнявъ къ дѣйствіямъ труда и дѣйствіямъ капитала. Что дѣйствія капитала сами по себѣ чрезвычайно важны, значительны, въ этомъ нѣтъ ни какого сомнѣнія; ибо представимъ, что вдругъ, по какому либо случаю, уничтожились бы капиталы Англіи и Голландіи: можемъ ли мы положить навѣрное, что сіи Государства опять въ состояніи были бы когда либо достигнуть той же высокой степени обогащенія, на которой они находятся теперь? — Припомъ, если физико-нравственный трудъ обязанъ своимъ раскрытіемъ цѣлымъ столѣтіямъ, то равно можно ли не видѣть, что и пріобрѣтеніе самыхъ капиталовъ скончалось и усиливалось также въ продолженіе оныхъ? — Такимъ образомъ не лег-

ко рѣшишь, чрезъ что Англія и Голландія болѣе могли бы потерять, чрезъ то ли, если бы жили они обращились въ первобытное свое состояніе, т. е. лишились бы всѣхъ приобрѣтенныхъ ими совершенствъ физико-нравственнаго труда, или чрезъ то, если бы, какъ мы выше сказали, они лишились всѣхъ своихъ чрезвычайныхъ капиталовъ? — Но вопль какое замѣчаніе составляетъ самое сильное доказательство въ пользу труда, а именно: если бы можно было или перевести всѣ капиталы, положимъ, Англіи и Голландіи, въ другое какое либо Государство, или передать всѣ совершенства физико-нравственнаго труда первыхъ народовъ послѣднему; то что, думаемъ, болѣе принесло бы пользы для сего послѣдняго — первое или второе предполагаемое сліянiя? — Безъ всякаго сомнѣнiя — первое. Изъ сего замѣчанiя истекаютъ весьма важныя истины, которыми, къ несчастiю, никогда не пользовались и теперь мало пользующіяся Государства. — Народы собственно обогащаютъ въ слѣдствіе своихъ личныхъ совершенствъ, а не простаго перемѣщенiя, какимъ бы то ни было образомъ, чужихъ богатствъ. Такъ — нельзя не согласиться, что трудъ есть важнѣйшій дѣйствователь въ сферѣ образованiя, умноженiя богатства. Онъ есть поистинѣ мощный агентъ, ко-

торый въ рукахъ своихъ держишь всю природу, и дѣйствиемъ котораго живетъ — движется самый капиталъ, — самъ же покоряется единственно общей природѣ, или той, которую мы разумѣли въ первомъ, главномъ ея значеніи. Присесть нельзя не пожелать, чтобы Сталинистка сколь возможно скорѣе вступила въ настоящій кругъ своего назначенія, дабы, устремивъ взоръ свой на Земной шаръ, мы могли со всею точностію взвѣсить во всѣхъ земляхъ онаго силы природы, силы человека, силы капиталовъ! Я не могу изобразить, какую мы почерпнули бы пользу изъ сравненія всѣхъ силъ дѣйствующихъ. Мы тогда легко могли бы увидѣть, гдѣ и въ чемъ находится или недоспадокъ, или несоразмѣрность, и что должно было бы предпринять для постепеннаго и правильнаго хода народовъ къ своему обогащенію; тогда мы могли бы увѣришься въ томъ, что если иногда правила теоретиковъ и не оправдываются самымъ опытомъ, то это не потому, чтобы они были несправедливы, а потому только, что тысячи уклоненій отъ прямого послѣдованія онымъ болѣе или менѣе измѣняютъ благотворное ихъ дѣйствіе.

Т. Степановъ.

IV.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

(Хотя въ нынѣшнее просвѣщенное время можно пребовать, чѣобы иноспранныя книги переводились прямо съ пѣхъ языковъ, на которыхъ писаны Сочинишелями; но Испанскій языкъ у насъ еще пакъ мало извѣстенъ, что, ождая Переводчиковъ, копорые бы были знакомы съ симъ языкомъ, мы долго еще не увидѣли бы у себя произведеній геніевъ-драмашурговъ, Кальдерона и Веги. Припомъ же нынѣ и Французы спали понимашъ, въ чемъ состоишъ достоинство переводовъ; и они ужъ перестали уродовашъ Англійскія, Нѣмецкія и Испанскія произведенія, какъ-то было во времена блаженной памяти классицизма, когда они мѣрили ихъ на свой аршинъ, сбивали и обрывали всѣ готическія башни, портики и колонны, чѣобы оставишъ однѣ голыя безхарактерныя стѣны, и опшопировывали ихъ, чѣобы изгладишъ и стерешъ печать неподкрашенной природы, національности и самобытности, которыми блискали геніальныя произведенія среднихъ вѣковъ! И мы, Русскіе, пустились было подражашъ имъ; и мы румянили Шекспира, какъ какую нибудъ нашу

степенную, чопорную купчиху въ то время, какъ Французы брили ему бороду, наряжали въ шелковый кафтанъ, чулки и башмаки, надѣвали на него парикъ и пудрили немилосердо. Но теперь, — честь XIX вѣку! — всѣ спали передавать чужеземныя произведенія такъ, какъ они есть, — со всѣми ихъ недоспаинками, сродными имъ вѣкамъ, въ которыхъ жили творцы ихъ, великаны-Поэты, и красотою, которыхъ гнѣздились въ душахъ сихъ гениевъ — богатырей самобытности. Мы имѣемъ уже Переводчика, который пишетъ въ насъ надежду имѣть на своемъ языкѣ многія произведенія гиганта — мужика Англіи: мы имѣемъ Г. Вронченка. Франція можетъ похвалиться изданнымъ, Парижскимъ книгопродавцемъ Лавока, собраніемъ переводовъ подъ названіемъ: *Chefs d'oeuvre des Théâtres étrangers, Allemand, Anglais, Espagnol, Hollandais, Italien, Polonais, Portugais, Russe, Suédois.* — (Избранныя творенія иностранныхъ Театровъ, Нѣмецкаго, Англійскаго, Испанскаго, Голландскаго, Италіянскаго, Польскаго, Португальскаго, Русскаго, Шведскаго) (*). Въ переводахъ для сего собранія участвовали многіе извѣстные люди, кото-

(*) Разборъ сего изданія былъ помѣщенъ въ Московскомъ Телеграфѣ около 1828 года и частію въ самомъ 1828 году.

рыхъ имена громко говорятъ въ пользу безприспастія, съ какимъ было оно составлено; вотъ нѣкоторые изъ нихъ: Члены Французской Академіи Эньянь, Андріе, Вильменъ, Кампенонъ, — Королевскій Чтецъ Меннеше, Баронъ П. де Барантъ, Карлъ Подье, Амедей Пишо, Графъ Алексѣй де Сентъ-При, Англивіель ла Бомель, Жанъ Когенъ, Фердинандъ Денисъ, Шапеленъ, Викентій де Сентъ-Лоранъ, Августъ Троньонъ, С. Висконти, Юлій Саладинъ, К. де Ремюза, Графъ Сентъ-Олеръ, и проч. — Кромѣ того обѣщаны были еще Театры Датскій, Китайскій, Индѣйскій и одинъ томъ Нѣмецкаго — вышли ли они, не знаю; вѣроятно при изданіи остальныхъ сихъ томовъ мы увидимъ въ числѣ переводчиковъ имена: Бенжаменъ Конспана, Гизо, Мальте-Бруна, Барона де Спаль, Члена Института Абель Ремюза, Берспрана и ле Брёна, — которые обѣщались украсить сіе изданіе своими трудами.

Все это побудило меня перевести нѣкоторую часть сего драматическаго сборника, въ которой заключаются пьсенія Испанскихъ Драматурговъ, съ твердымъ и благимъ намѣреніемъ хотя нѣсколько способствовать къ пробужденію нашего дремлющаго Театра. Я предполагаю издать слѣдующее: 7 піесъ Дона Лопеса Феликса де Вега Карпіо, 8 піесъ Дона

Педре Кальдерона де ла Барка, 1 піесу Дона Гуиллеме де Каспро (*) и, можетъ быть, нѣсколько піесъ Бартоломея Торреса Нагарро (прапраотца-Адама Испанскихъ Драмаатурговъ), Мигуэля де Сервантеса Сааведра и Морашина. Къ Театру Веги приложатся: жизнеописаніе его; разборъ Поэмы или духа его драматическихъ твореній; сочиненіе его подъ названіемъ: Новое Драматическое Искусство; и къ каждой піесѣ—краткій критическій разборъ ея, комменгарныя примѣчанія и переводные опривки изъ Испанскихъ Историковъ, въ которыхъ описываются происшествія, вставленныя въ драматическую раму великимъ Поэтомъ, ибо почти всѣ піесы сіи суть историческія.

Такія же приложенія и къ Театру Кальдерона. Къ Каспровой Драмѣ приложатся: извѣстія о жизни и сочиненіяхъ его и о другихъ Валенсійскихъ Поэтахъ, какъ-то: Каноникъ Таррегъ, Гаспаръ, Агвиларъ и проч.; разборъ обѣихъ частей Юности Сиды; переводъ около 20 Испанскихъ Романсовъ, изъ которыхъ Каспро взялъ сюжетъ Драмы; и наконецъ критическій и сравнительный взглядъ

(*) Юность Сиды, Драма въ двухъ частяхъ, изъ которыхъ первой великій Корнель сдѣлалъ свое геніяльное подражаніе.

на 1 ю часть его Драмы, на Трагедію *Сидъ* и Испанское подражаніе симъ двумъ произведеніямъ, сдѣланное Ж. Б. Диаманте, подъ названіемъ *El Honrador de su padre*, (*Почитающій своего отца*).

Въ наше время, Драмматическая Поэзія находилась въ упадкѣ, и соотечественники мои вѣрно будутъ мнѣ благодарны за желаніе пересадить въ нашъ сѣверный, холодный край произведенія Пиренейскаго полуострова. Возникающіе таланты наши найдутъ въ нихъ уроки, какихъ не нашли бы никогда ни въ Французскомъ, ни даже въ Нѣмецкомъ Театрахъ, исключая Шиллерова Вильгельма Теля и Гётева Геца фонъ Берлихингена. Въ нихъ они увидятъ, до какой степени гений-Поэты можетъ отдѣлаться отъ своего творенія и не набрасывать на него чувствъ души своей, увидятъ въ *Arauco domado* (*Усмиренная Арауко*) или въ *Fuente-Ovejuna* (*Фуенте-Овегуна*) чистую Исторію, вставленную въ драмматическую форму; ихъ будетъ занимать при чтеніи не любовь, не лютрига, но участь страны, на которую смотришь, кажется, свыше, видишь толпящійся народъ, всѣ его страсти, характеры, и ожидаешь, что сдѣлается съ этимъ человѣческимъ муравейникомъ, который занимается, также, какъ и нашъ, часть земнаго

шара. Душа Поэта ни въ волосѣхъ не описывается на Драмѣ; онъ даже не рѣшается, на чьей сторонѣ справедливость — онъ только волшебнымъ своимъ жезломъ оподернулъ занавѣсъ, и вы смотрите. Кажется, это не произведение челоука, а вырванный листъ изъ книги судебъ.

П. К. Серебряный — Д — Х.

О Т Р Ы В К И

ИЗЪ ИСПАНСКОЙ ДРАМЫ:

ЮНОСТЬ СИДА.

Соч. Дона Гуильема де Кастро (*).

I.

Второе явленіе перваго дня.

*Зала въ домъ Діега Ланнеца; по всѣмъ стѣ-
намъ развѣшано оружіе.*Родриго; Фернандо Діацъ и Гонзалецъ Ланнъ,
его братья, снимающъ съ него вооруженіе.

Родриго.

Вы слишкомъ много оказываете мнѣ по-
честей, братья.

Гонзалецъ.

Мы служимъ спаршему брату.

Родриго.

Вы съ лихвой платите мнѣ за мою къ
вамъ привязанность.

(*) Изъ книги: Chefs-d'oeuvre des Théâtres Etran-
gers. Vingt - quatrième livraison: Chefs - d'oeuvre du
Théâtre Espagnol, Paris 1823. Драма сія съ Испан-
скаго подлинника на Французскій языкъ переве-
дена А. ла Бомелемъ.

Фернандо.

Сказать правду, видя почести, которыми Королю было угодно осыпать тебя, мы почувствовали некую зависть : мы должны признаться тебе в этомъ.

Родриго.

Придетъ время, друзья мои, когда Король, если то будетъ угодно Богу, можетъ и вамъ оказать то же благодѣяніе и осыпать васъ тѣми же милостями, какими обязанъ ему я : Король, которому угодно было такъ почтить меня, богатъ довольно честью въ душѣ своей, чтобы надѣлать ею всѣхъ.

Повѣсьте съ должнымъ уваженіемъ на эти благородныя стѣны Королевское вооруженіе, которое теперь мое. Шпагу эту я повѣшу на стѣну своею рукою, и снова клянусь его геройской доблести препоясаться ею не прежде, какъ когда ниспровергну, подобно ему, своихъ противниковъ въ пяти спроевыхъ сраженіяхъ.

Гонзалецъ.

А когда, братъ, оправишься ты на ратные подвиги?

Родриго.

Счастливыя случаи представятся.

(Входитъ Діего съ переломленною по поламъ тростью.)

Діего.

Ты повѣсилъ тебѣ свою шпагу, Родриго?

Фернандо.

Родитель!

Гонзалецъ.

Государь (*)!

Родриго.

Что съ тобою?

Діего.

Что со мною! (въ сторону) У меня нѣтъ болѣе чести! (Гроико) Дѣпи. . . .

Родриго.

Говори, говори!

Діего.

Ничего, ничего, оставьте меня одного.

(*) Слово *Государь*, при обращеніи не къ царствен-
нымъ лицамъ, а вообще къ кому бы то ни было,
совершенно вышло изъ употребленія, потому что
чувства униженія и раболѣпства, съ какими оно
было произносимо, стали чужды нынѣшнему вѣку.
Въ Драмѣ же слова: *Seigneur, Monseigneur, Sire*—
мнѣ кажется, иначе и не должно переводить, какъ,
словомъ *Государь*, ибо оно изображаетъ то подо-
бострастіе, то униженіе, которыя существова-
ли между отцемъ и сыномъ. И тебѣ мы еще не
забыли словъ Русскихъ пѣсень, въ которыхъ поемъ:
Государь, мой батюшка! государыня, моя матушка!

Родриго (*въ сторону*).

Что съ нимъ случилось? Тутъ вѣрно спра-
ждеть честь. Трость его переломлена; изъ
глазъ его, кажется, текутъ кровавыя слезы. . . .

Д и е г о.

Подите.

Родриго.

Я хотѣлъ бы снятъ другую шпагу, если
бы ты мнѣ по позволилъ.

Д и е г о.

Подождите внѣ залы; — ты иди какъ есть.

Фернандо и Гонзалецъ.

Родитель!

Д и е г о (*въ сторону*).

Несчастіе мое все болѣе и болѣе тяго-
питъ меня.

Родриго.

Любезный родитель!

Д и е г о (*въ сторону*).

Нанесенное мнѣ поруганіе проспирает-
ся и на всѣхъ васъ; (*громко*) оспавьте меня
одного.

Гонзалецъ.

Какъ онъ жестоко спрадаеть!

Фернандо.

Сердце мое разрывается.

Д и е г о (*въ сторону*).

Благородный сводъ моего замка падеть,
если долженъ будетъ покрывать чепыре обез-
чеченныя головы. (*Громко*) Выйдете ли вы?

Родриго.

Прости.

Д и е г о (въ сторону).

До чего я униженъ!

Родриго (въ сторону).

Какое подозрѣніе вселяетъ онъ въ мою душу! Честъ волнуешь уже мое сердце и зовешь на бой. (*Уходитъ съ братьями*).

Д и е г о (оди́нь).

Великій Боже! Скорбь, смерть, яросль пожирають меня. Прочь съ глазъ моихъ, сокрушенный костыль, когда ты не могъ сохранишь моей чести. Нѣтъ, прости! Ты долженъ былъ поддерживать не честъ, а тяжестъ лѣтъ моихъ.

Я еще тебѣ обязанъ тѣмъ, что, переломаясь, ты доставилъ мнѣ два орудія для опомщенія за одну пощечину; но нѣтъ, честъ моя не можетъ быть возвращена столь легкимъ оружіемъ. Я возьму эту шпагу и буду опираться на сталь, а не сражаюсь деревяннымъ мечемъ. (*Беретъ одну изъ вислящихъ на стѣнѣ шпагъ*). Я не обманываюсь; у меня естъ еще довольно мужества, чтобы опомститься за обиду; такъ, на тебѣ, на тебѣ, доблестная шпага, должна опираться вся честъ моя. Благодарственная сталь! Ты была мстительнымъ въ рукъ Гара, ты разнесла славу его на концы свѣта! Если тогда язвы

нанесенныя тобою, опомспили за убіеніе семерыхъ дѣтей Лары, но теперь ты легко можешь опомспить за одну только пощечину.

Не такъ ли прещеть и разсѣкаетъ воздухъ шпага! Рука моя еще сильна; кровь, заспывшая онѣмъ лѣтъ, кипитъ еще во мнѣ, разгоряченна опчалніемъ. Да, я могу опважиться Чніо говорю я, о небо! Я обманываю самого себя. При каждомъ взносѣ и ударѣ, шпага увлекаетъ меня за собою; она пверда въ моей рукѣ, но не пверды мои ноги.

Она кажется мнѣ уже тяжелою, силы мои уже изнемогаютъ, я шапаюсь и уже чувствую заранѣе всю тяжесть рукоятки на концѣ клинка. На что рѣшился? Какую увѣренность можетъ доставить мнѣ моя надежда, когда споль великое мщеніе имѣетъ споль слабыя средства?

О бѣдственная спарость! Я гошовъ вонзить эшу спаль въ грудь свою. Неумоимое время! Что сдѣлало ты? Проспи, доблестная шпага, ты будешь лежать путь безъ ноженъ (*); нѣтъ, я не вложу тебя, когда безчестіе мое раждается въ ту самую мину, въ которую потухаетъ жизнь;

(*) Онъ кладетъ шпагу свою на позорный сполбъ.

подвергаясь поруганію, ты скажешь, что это поруганіе плетется надо мною.

Горестъ моя заземняетъ разсудокъ мой. Позову сыновей. Да, горестно опомщать свои обиды чужими мышцами; но еще горестнѣе жить и не быть опомщеннымъ. Но я не надѣюсь на ихъ мужество, не могу рѣшиться: я не знаю еще ихъ мужества, а мое уже не существуетъ. Но какъ? . . . Да, сдѣлаю пакъ! (зоветъ) Фернандо Діацъ! (Фернандо входитъ).

ФЕРНАНДО.

Что повелишь мнѣ?

Діе го.

Свѣтъ меркнетъ въ глазахъ моихъ, сила потухаетъ въ душѣ моей. . . .

ФЕРНАНДО.

Что съ тобой?

Діе го.

Ахъ, сынъ мой! сынъ мой! Дай мнѣ свою руку, я чувствую смертельныя мученія. (Беретъ руку сына и сжимаетъ ее.)

ФЕРНАНДО.

Родитель! батюшка! Отпусти, я тебя умоляю! ради Бога, отпусти руку!

Діе го.

Что! Ты плачешь! Бѣги, ты слабая женщина.

ФЕРНАНДО.

Государь. . . .

Д и е г о.

Выйди вонъ, вонъ! И я тебѣ далъ жизнь!
Нѣтъ, это невозможно. Иди отсюда.

Фернандо.

Спранная горячность! (*Уходитъ.*)

Д и е г о.

Если всѣ сыновья мои паковы, то какая
надежда остается мнѣ? Гонзалецъ Ланнъ!
(*Гонзалецъ входитъ.*)

Гонзалецъ.

Государь!

Д и е г о.

Я чувствую слабость. . . Сынъ мой,
подай. . . подай мнѣ свою руку.

Гонзалецъ, (*подавая ему руку.*)

Вотъ она. Ахъ! бапюшка, чпо ты дѣ-
лаешь?пусти меня. Постой! Довольно! Ты
мнѣ жмешь обѣими руками.

Д и е г о.

Безспыдный! Развѣ слабыя руки мои —
львиные когти? Да если бы онѣ и были па-
ковы, долженъ ли ты жаловаться на боль?
И ты мужчина! Нѣтъ. Иди вонъ, безчестіе
крови моей!

Гонзалецъ.

Я униженъ! (*уходитъ.*)

Д и е г о.

Какое мученіе! Какое несчастіе! На чемъ
держишься честь и благородство того дома,

котораго кровь текла въ жилахъ столькихъ Королей! Родриго! (*Родриго входитъ.*)

Родриго.

Батюшка, Государь мой, зачѣмъ ты такъ оскорбляешь меня? Если ты родилъ меня первымъ, то зачѣмъ призываешь послѣднимъ?

Д и е г о.

Ахъ! сынъ мой, я умираю!

Родриго.

Чтѣ чувствуешь ты?

Д и е г о.

Горестъ, мученіе, яростъ. (*береть его руку*).

Родриго.

Батюшка, отпусти мою руку;пусти, не хорошо! Если бы ты не былъ моимъ опцемъ, я оплапиль бы тебѣ пощечиною.

Д и е г о.

И она была бы уже не первая.

Родриго.

Чтѣ говоришь ты?

Д и е г о.

Сынъ души моей, я восхищаюсь твоимъ прекраснымъ гнѣвомъ. Эта горячность мнѣ нравилась; благословляю твою пылкость. Скоро воспламеняющаяся кровь, которая кипитъ въ жилахъ и огнипся во взорахъ твоихъ, есть та, которая перелилась въ меня

изъ Каспидьскаго дома; та кровь, которую ты наследуешь чрезъ меня отъ Лайна Кальво и Нюнья, кровь, которой Графъ д'Оргацъ, Графъ, прозванный побѣдоноснымъ, нанесъ поруганіе, ударивъ меня по щекъ. Приди въ мои объятія, мой Родриго, оживи надежду и омой кровію плпнно, осквернившее мою честь; она одна можетъ изгладить его. Я призывалъ твоихъ братьевъ, прежде нежели тебѣ приказалъ лешъ на мѣсть, потому что тебя люблю болѣе; и мнѣ хотѣлось, чтобы они были въ состояніи отомстить за мою обиду, — на тебѣ бы основывалась тогда надежда нашего рода. Я испыталъ и увидѣлъ, что въ нихъ совсѣмъ нѣтъ этой душевной силы, и что низкое ихъ малодушіе еще болѣе увеличиваетъ мое безчестіе и усугубляетъ мою горестъ.

Ты одинъ, Родриго, долженъ возвращить честь сѣдымъ волосамъ моимъ. Твой прощивникъ могущъ; во Дворцѣ, въ сраженіяхъ — вездѣ совѣтъ его первый, а копье лучшее. Но я знаю твою храбростъ, и сердце твое видитъ въ одно время и оружіе и обиду (*). Я не могу болѣе говорить, силы меня оставляютъ; пой-

(*) Намѣкъ на то, что обнаженная шпага ле-
житъ на позорномъ столбѣ.

ду оплакивать мое несчастіе: а ты полегчишь опомщать за него. (*Уходитъ*).

Родриго (*одинъ*).

Правда ли все то, о жребій! что я вѣдѣлъ, пораженный твоею карою? Я не могу увѣрить себя въ истинѣ этой измѣнчивости, такъ тебѣ свойственной, потому что она разрушаетъ мое счастіе. И жестокость твоя сдѣлала то, (о мученіе!) что мой отецъ поруганъ опцемъ Химены!

Что будетъ со мной? Злая участь! Ему обязанъ я жизнью! Что буду дѣлать я? Ужасное бorenіе! Для ней одной я живу на свѣтѣ! Я, я хотѣлъ, осчастливленный твоею любовью, соединить душу мою съ твоею, и долженъ пролить кровь того, который даровалъ тебѣ жизнь; долженъ, мучительное терзаніе! — долженъ убить отца Химены!

Но одна эта нерѣшимельность уже наноситъ пятно священной чести, которая составляетъ мою славу. Я долженъ сорвать съ себя ярмо любви и, съ поднятой головою, свободный отъ ея цѣпей, исполнить свой долгъ. Когда моему отцу нанесено поруганіе, что мнѣ нужды, (горькое спраданіе!) что нанесъ его отецъ Химены!

Кто меня удерживаетъ! Не больше ли во мнѣ мужества, чѣмъ лѣтъ отъ роду? Да; довольно его, чтобы опомститься за отца и на-

нести ударъ Графу. Чпѣ мнѣ нужды до могущественныхъ клеверповъ моего опаснаго противника? чпѣ мнѣ нужды, что въ горахъ у него тысяча друзей — Аспурійцевъ? Чпѣ нужды, что въ Совѣтѣ Короля Леонскаго, Фердинанда, голосъ его первый, чпѣ на полѣ сраженія копье его всегда лучшее? Все это мало, ничто, меньше нежели ничто передъ местию за безчестіе, въ первый разъ нанесенное роду Лаина Кальво! Чпѣ нужды, что я только въ первый разъ еще почувствовалъ силу въ рукѣ своей? Пусть земля дастъ мнѣ клочекъ для поля сраженія, небо даруетъ счастье. Я возьму эту шпагу Гара Каспильскаго. Она пригнулася и покрылась ржавчиною со смерти своего добраго владѣтеля; и если я, взявъ ее, не оказываю ей тѣмъ своего уваженія, то она проститъ смѣлости человѣка, пораженнаго безчестіемъ.

Вообрази себѣ, доблестное лезвее! что другой Гаро тебя препоясываетъ, и что онъ самъ сражается вмѣстѣ съ рукой моею за оскорбленную честь свою. Ты вознегодуешь, можешь быть, въ рукѣ моею; но никогда не сдѣлаешь мнѣ укоризны, что я отступилъ хопя на одинъ шагъ. Ты увидишь меня на полѣ чести столь же твердымъ, какъ пвой спаль. Да, я чувствую, пвой новый владѣлецъ

такъ же праводушенъ, какъ и первый; и если я буду побужденъ, тогда, чтобъ лучше скрыть твой спыдъ, я вонжу тебя въ свое сердце.

(Уходитъ.)

II.

ТРЕТІЕ ЯВЛЕНІЕ ВТОРАГО ДНЯ.

Пустынное мѣсто близъ Бургоса.

Д І Е Г О (одинъ).

Не такъ горюешь молодая овечка, копто-
рой бляніе раздается вдалекѣ отъ спада, не
такъ яростью свирѣнѣетъ львица, разлучен-
ная съ дѣтьми своими, какъ спрадаетъ мое
сердце безъ любимаго мною сына, моего Ро-
дрига. Скипаясь во тьмѣ глубокой ночи, я
бѣгаю за призраками и встрѣчаю съ развер-
стыми объятіями однѣ пусыя тѣни. Ка-
жешся, я не забылъ ничего въ описаніи ему
этого мѣста, куда долженъ явиться онъ. Не
ослушался ли онъ меня въ первый разъ? Нѣтъ,
это не можетъ быть. Тысячи скорбей
раздираютъ меня. Вѣрно какой нибудь
непредвидимый случай заставилъ его возвра-
титься. Леденѣющая кровь тяжелеетъ на
моемъ сердцѣ! . . . Не взялъ ли онъ въ плѣнь?
не раненъ ли? не убитъ ли онъ? О не-

бо! Сколько несчастій предвидишь моя любовь! Что я слышу? не онъ ли? Нѣтъ, счастье не для меня на свѣтъ. Такъ! Это эхо, которое оживляетъ моей горести, повторяя слова ея. Но нѣтъ, это точно топотъ лошади, опадающей на голышахъ, которые покрываютъ эту бесплодную равнину. Это онъ! онъ сходитъ съ лошади. Какое счастье! Сынъ мой! (*Родриго входитъ.*)

Родриго.

Родитель!

Д и е г о.

Долженъ ли я вѣрить, что вижу опять себя въ твоихъ объятіяхъ, сынъ мой? Я снова одушевляюсь жизнью, чтобы восхвалять тебя. Зачѣмъ ты такъ долго медлил? Мое терпѣніе въ ожиданіи уже обвиняло тебя; но что бы ни было причиною твоей медленности, я обнимаю своего сына. Ты выказалъ свое мужество на новомъ поприщѣ; ты поступалъ славно, славно перенялъ мою прежнюю ратную доблесть; ты съ лихвою заплатилъ мнѣ за жизнь, за существованіе, которыми я далъ тебѣ. Прикоснись къ этимъ свѣдымъ волосамъ, которыми ты возвратилъ честь! Прикоснись своими нѣжными губами до этой щеки, съ которой ты сперъ плечо моего поруганія. Душа моя, съ чувствомъ благородной гордости и славы, преклоняется

предъ своимъ мужествомъ; ты блюститель
чести той крови, которая облагороживала
столькихъ Королей Кастиліи.

(Преклоняется передъ нимъ).

Родриго.

Дай мнѣ поцѣловать твою руку и под-
ними свою голову. Тебѣ же, если во мнѣ есть
сколько нибудь силы и мужества, тебѣ же
принадлежитъ слава ихъ.

Д и е г о.

Я долженъ бы былъ цѣловать твои руки.
Если любовь моя дала тебѣ существова-
ніе, то одно твое мужество возвратило
меня къ жизни. Но перемѣнимъ разговоръ :
большее ожидаетъ и призываетъ тебя. Сынъ
мой! я собралъ уже людей, иди на поле сра-
женія, извѣдай свое мужество, съ плечью
тысячами благородныхъ воиновъ, нашихъ
родственникововъ, которые всѣ кипятъ жела-
ніемъ заслужить любовь твою. Иди, честь
и благоразуміе предписываютъ тебѣ законъ
сей; иди туда, гдѣ они ждутъ тебя на
прекрасныхъ коняхъ. Ты найдешь счастли-
вый случай употребить ихъ храбрость. Гор-
деливые Мавры опустошаютъ пограничныя
земли, увлекаютъ Королевскихъ подданныхъ;
вчера бѣдшьяныя лазутчики принесли ему
печальную вѣсть въ Военный и Государст-
венный Совѣтъ. Непріятель наши опусто-

жили плодородныя поля Бургоса и, перейдя Окскія горы, напали на Нагеру, Логрогно и Бильфорадо, больше счастливо, нежели благоразумно, увлекая съ собою столько плѣнныхъ, что дерзость ихъ должна исполнять горестію швое сердце и раздражать швое мужество. Пересѣки имъ дорогу, положи конецъ ихъ предпріятію, и преполняй свое сердце новою доблестію, извѣдай свое копье, съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ ты употребилъ уже свою шпагу.—Да не скажутъ ни Король, ни Гранды, ни народъ, что рука швоя умѣетъ опомщать только личныя обиды. Служи Королю въ войнѣ; служи съ усердіемъ Властнншему было всегда самымъ благороднымъ удовлетвореніемъ, которое могъ только дать ему рыцарь, оскорбившій его.

Родриго.

Батюшка, благослови меня.

Д і е г о.

Хорошо, сынъ мой.

Родриго *(на колѣняхъ.)*

Чтобы надѣясь на успѣхъ моего швобъ послушанія, я цѣлую швою руку и на колѣняхъ ожидаю швоего благословенія.

Д і е г о.

Я жебѣ даю его и руками и сердцемъ,
(Уходятъ.)

III.

ЧЕТВЕРТОЕ ДВѢНІЕ ВТОРАГО ДНЯ.

*Наружность увеселительнаго замка Королевы,
Инфантина. (одна на балконѣ).*

Какъ пріятны эти поля, этотъ лѣсъ!
Одинъ видъ ихъ разгоняетъ заботы и наполняетъ радостью сердце. На полянахъ и пригоркахъ взоръ открываетъ вдругъ, здѣсь цвѣтущія зеленую виноградныя лозы, тамъ вдали мрачныя падубы; здѣсь виднѣются дикія живописныя, шумъ пшеницы, исполненные любовію, спараются пѣніемъ своимъ смягчить гулъ дикаго воя. Ручей, низвергающійся съ высоты этихъ отвѣсныхъ утесовъ, съ радостною любовію ищетъ и находитъ счастливыя поляны, которыя онъ утучняетъ и орошаетъ. Столь богатыя и разнообразныя красоты достойны того, чтобы люди подражали простымъ сердцамъ, которыя ими наслаждаются и чтобы восхваляли Того, Который создалъ ихъ. Счастливы тотъ, кто, слѣдуя по снѣгу безвѣстнымъ путямъ, умѣетъ пользоваться

удовольствіемъ, разлитымъ на полянахъ, и уединеніемъ, царствующимъ въ лѣсахъ! Мудрено ли, что это мѣстопребываніе смягчаешь спраданія Королевы, моей матери, когда безмолвіе его заступаетъ мѣсто бурной жизни въ столицѣ, глухого смѣшаннаго гула воплей, часто возрождающагося превожнаго шума, въ которомъ одни пребудушь правосудія, другіе мессти. Чпѣ стало съ Родригомъ? Скорый мой опъвздъ не позволилъ мнѣ ничего узнать о немъ. Въ безопасности ли онъ? или все еще бѣды грозятъ ему? Не знаю, что во мнѣ происходитъ, но душа моя, имъ заняная, обливаешь какимъ-то пайнымъ уныніемъ..... Это можешь разогнашь мою скуку.* Тамъ дружина воиновъ взвиваетъ пыль по волѣ въпровъ и кони ихъ равняются въ быспропъ съ эими въпрами. Боже! какой прекрасный видъ! Я узнаю, что это значить. Рыцари! благородные воины! — Они останавились! Смотрятъ на меня! Полководецъ, пы съ желтыми перьями! — Онъ удаляется опъ другихъ, онъ прислоняетъ копье свое къ дереву, сходитъ съ лошади, приближается съ увѣренностію, какъ знакомый съ мѣстами, всходитъ по жеспкимъ крутымъ упесамъ, которые служатъ основаніемъ замку. Онъ смотритъ на эполъ балконъ; меня онъ еще не примѣнилъ. Но что я вижу?

я узнаю его; это Родриго! какое счастье!

(Родриго всходитъ по утесамъ.)

Родриго.

Я слышалъ голосъ Инфантины, но уже обошелъ почти вокругъ всего замка и....

Инфантина.

Родриго!

Родриго.

Она опять зоветъ меня. Я не отвѣчаю изъ уваженія къ Королеви, но вопль она! Принцеса!

Инфантина.

Богъ да сопутствуетъ тебѣ, Родриго! Куда идешь ты?

Родриго.

Куда ведетъ меня моя участь. Но я благословляю ее, потому что она привела меня сюда, гдѣ я долженъ былъ наслаждаться счастьемъ тебя видѣть.

Инфантина.

Но ты потерялъ то, что составляло твое счастье; я вижу по желтымъ перьямъ на головѣ твоей.

Родриго.

Тотъ, кому осталась одна надежда, можетъ носить пепелъ безнадѣянія (*).

(*) Желтый цвѣтъ у Испанцевъ имѣетъ то же эмблематическое значеніе, какъ у насъ черный.

ИНФАНТИНА.

Такъ ты еще имѣешь надежду?

Родриго.

Да, пу, которая даетъ мнѣ силы служить тебѣ.

ИНФАНТИНА.

И ты не былъ раненъ на поединкѣ?

Родриго.

Когда ты удостоила меня своимъ заступленіемъ, то могъ ли я не быть защищеннымъ отъ всякой опасности?

ИНФАНТИНА.

Куда отправляешься ты теперь?

Родриго.

Побѣждаю Мавровъ, чтобы возвратить себѣ милость и любовь Короля, отца твоего.

ИНФАНТИНА.

Какое благородное стремленіе! Кто со-
путствуетъ тебѣ?

Родриго.

Эта дружина сдѣлала меня предводителемъ пяти тысячъ Каспильцевъ, и такая же кровь, какъ та, которая одушевляетъ меня, течетъ въ благородныхъ жилахъ всѣхъ этихъ рыцарей.

ИНФАНТИНА.

Ты явился любезнымъ, отправился героемъ, ты могущъ и пламенный. Я доволь-

на, Родриго, тѣмъ, что вижу тебя исполненнымъ и любезности и мужества.

Родриго.

Всей душой благодарю тебя за милость, которая была бы божественна, если бы низость моего происхожденія передъ высокоспью твоей породы не лишила меня этой надежды.

Инфантина.

Родриго, для счастья не невозможно сравнить неравныя состоянія, когда благородство души одно и то же. Да возвратишь тебя Богъ побѣдителемъ! тогда. . . .

Родриго. (*прерывая ее.*)

Я благодарю тебя отъ всей души своей.

Инфантина.

Что я сказала?

Родриго.

Ты благословила меня, это мнѣ порукою въ побѣдѣ.

Инфантина.

Мое благословеніе! Ахъ! Родриго! если мои благословенія достигаютъ головы твоей, ты будешь всегда счастливъ.

Родриго.

Для моего счастья довольно, божественная Инфантина, и получить ихъ отъ тебя.

Инфантина.

Я могу гордиться только искренностію моихъ желаній о тебѣ. Да сопутствуетъ те-

бъ Богъ! Да даруешь Онъ тебѣ счастье, какъ даровалъ мужество! Да оспариваешь лишь число небесныхъ звѣздъ число будущихъ побѣдъ твоихъ! Да напишетъ ихъ самое солнце перомъ славы на всемъ пространствѣ свѣта! И болѣе всего будь увѣренъ, что я буду покровительствовать тебѣ, не щадя своей жизни; мои обѣщанія не подобны перьямъ, которыя ты оспавляешь на произволъ вѣтра.

Родриго.

Я богопворю землю ту, на которой останавливаются твои взоры, потому что не могу цѣловатьъ ту, гдѣ напечатлѣны шаги твои. Да продлитъ Богъ дни твои! Да возвыщаетъ цѣлый свѣтъ хвалы тебѣ, и да награждаетъ тебя судьба, если это возможно, еще большимъ счастьемъ, нежели какого ты достойна! Я отправлюсь подъ твоимъ покровительствомъ; твоимъ именемъ я одержу побѣду надъ несчастьемъ, которое преслѣдуетъ меня; отправлюсь пожинаать лавры во множествѣ сраженій, которыя ты предсказала мнѣ.

Инфантина.

Помни о желаніяхъ и молитвахъ моихъ!

Родриго.

Кто забываетъ о небесномъ, о божественномъ!

ИНФАНТИНА.

Да сопутствуетъ тебѣ Богъ!

РОДРИГО.

Да покровительствуетъ тебѣ Богъ!

ИНФАНТИНА.

Иди съ увѣренностію и твердостію.

РОДРИГО.

Твой голосъ вдохновилъ меня. Да славить
тебя вся земля!

ИНФАНТИНА.

Да благославляетъ тебя все небо!

(Уходятъ.)

IV.

ПЯТОЕ ЯВЛЕНІЕ ВТОРАГО ДНЯ.

ОСКІЯ ГОРЫ.

Раздаются крики Мавровъ; на сценѣ появ-
ляется пастухъ, спасающійся бѣгствомъ.

ПАСТУХЪ (одинъ).

Милосердый Боже, какъ страшно! Мав-
ры покрываютъ всю окрестность; но ес-
ли я вскарабкаюсь на эти отвѣсныя со всѣхъ
сторонъ утесы, то мнѣ и нужды не будетъ
ни до копій ихъ, ни до шпагъ.

(Уходитъ и появляется на утесъ.)

(Входитъ Альманзоръ, Мавританскій Король, въ сопровожденіи своихъ воиновъ.)

Альманзоръ.

Свяжите хорошенъко этихъ Христіанъ;
да идите въ порядкъ и не спѣша.

Одинъ изъ воиновъ.

Мы подѣлили славную добычу.

Альманзоръ.

Вошь, что совершила рука моя! Такъ
вездѣ распространяла она страхъ и смяте-
ніе; опираясь на ея силу, я хочу, чтобы весь
свѣтъ зналъ о моемъ могуществѣ, и чтобы
Кастилія потеряла древнюю свою славу.
Скажи, Фердинандо, почему тебя называютъ
Королемъ Великимъ, когда я опустошаю твою
земли, и ты не смѣешь противостать мнѣ?
Да будешь проклятъ тотъ, кто далъ тебѣ
это имя, потому что, о Аллахъ! послѣ Маго-
мента, нѣтъ никого выше меня.

Пастухъ *(на вершинѣ утеса)*.

Когда великій тотъ, кто всѣхъ выше,
то это прозваніе принадлежитъ мнѣ. Я
бьюсь объ закладъ, невѣрные собаки, что вы
не доспаете меня ни въ при скачка.

В о и н ъ.

А я бьюсь объ закладъ, что спрыга моя
доспаетъ тебя.

Пастухъ.

Да, когда бы я не сумѣлъ уюркнуть. Гей,

вы! Мавры! черные мои благопріятели! Во-
рошитесь, поспойте, подождите немного
нападенія Христіанъ.

В о и н ъ.

Послушай, Государь; клянусь Магоме-
томъ! кажется, Христіане....

Альманзоръ.

На что глядя, спрусили вы? а?

Другой воинъ.

Тамъ пылъ ужъ поднимается.

Третій воинъ.

А съ этой стороны виднѣется знамя.

Четвертый.

Это, вѣрно, конная толпа.

Альманзоръ.

Вотъ исполненія моихъ надеждъ.

Первый.

Вотъ ужъ и конья блещутъ.

Альманзоръ.

Пойдемъ-те, ребята, побѣдимъ или уме-
ремъ. (*слышанъ звукъ трубы.*)

Первый воинъ.

Вотъ звукъ трубы къ нападенію.

Голоса Испанцевъ (*за сценой.*)

Свяшой Іаковъ !

Альманзоръ.

Магометъ! Правовѣрные! за мной!

Голоса Испанцевъ (*за сценой.*)

Дружнѣ! — Испанцы !

Альманзоръ.

Со мной! — Великій Пророкъ!

(Уходитъ съ воинами. Сраженіе за сценой.)

Пастухъ.

Хорошо! чудно! видишь ли ты теперь розницу между Святымъ Іаковомъ и Магомепомъ? Славная рана! Такъ! Вошь тебѣ еще собака изъ собакъ! будетъ для перевязки! хорошо идетъ! они любо дерутся, наши Христіане! Они бьютъ руками, а кони ихъ ногами. Черповскій ударъ копьемъ! Право, кажешся, нѣтъ быковъ храбрѣ ихъ; они разсѣкаютъ Мавра, какъ я рѣжу дыню. Э! а эпошь, съ желтыми перьями на головѣ, прямыми какъ пѣпушій гребень. Какъ онъ чешетъ! О! я буду смотрѣть на него въ оба, чтобы рассказать все нашему священнику. Чортъ возьми! меньше однимъ разомъ раздаю муравьевъ ногою, меньше однимъ махомъ серпа сожну колосьевъ, чѣмъ онъ сразу сбиваетъ Маврипанскихъ головъ. — А! богатырь, онъ уже весь покрытъ кровью эпихъ Агирянъ. Онъ чудеса творитъ. Эге! черные мои чертляки бѣгутъ. А! собаки, вы бѣжи! не! за ними, храбрые рыцари, за ними! бей, коли! Они бросаюся въ междуушесья, чтобы убѣжать отъ конницы. Но все равно: наши спѣшили за ними! Вошь тебѣ и снова пляска!

(Появляется Альманзоръ, преслѣдующій
Родригесъ; съ ними Христіане и Мавры.)

Родриго.

А, Мавры! Христіане умѣютъ сражаться
и не на коняхъ.

Альманзоръ.

Остановись, Христіанинъ, остановись.

Родриго.

Сдайся.

Альманзоръ.

Я Король, — покоряюсь швоей храбро-
сти, покоряюсь швоимъ законамъ.

(Отдаетъ ему свою шпагу.)

Родриго.

Къ оружію! еще къ оружію, друзья! мы
должны покорить сего дня чепырехъ Коро-
лей.

Пастухъ.

Признаюсь, весело посмолръшь на нихъ
сверху.

На эпи зрѣлища всегда надобно смолръшь
съ вышины. (Уходитъ.)

Пер. П. К. Серебряный — Д — Х.

V.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

ОБЗРѢНІЕ НОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

Ф р а н ц і я.

По лѣсамъ Бора и Лалонда скипаются шайки работниковъ изъ Эльбефа, числомъ отъ 4 до 500 человекъ, рубящъ лѣсъ, и сами указываютъ жандармамъ и лѣснымъ спражамъ мѣста, гдѣ складываютъ оный; еще не употребили силы для прекращенія сихъ порубокъ.

Начальникамъ корпусовъ, находящихся въ западныхъ департаментахъ, дано приказаніе предать Кадуала Военному Суду, когда его схватятъ, и немедленно разстрѣлять.

Герцогъ Ровиго (Савари) находится въ числѣ кандидатовъ при выборахъ въ Мезьеръ.

Эскадра, подъ начальствомъ Адмирала Гюгона, возвратилась въ Тулонъ 27 Мая.

Крѣпость Белль - Иль, на берегу Брестани, приводится въ оборонительное положеніе.

Г. Пакье, Семонвиль и Симеонъ, съ нѣкоторыми изъ сотоварищей своихъ, имѣющихъ наибольшее вліяніе, составили проектъ закона о Перскомъ достоинствѣ, который одобренъ Министрами. Въ слѣдствіе сего закона, нынѣшніе Перы сохраняютъ свое достоинство, ибо по расчету Коммиссаровъ, много что двадцать пять изъ нихъ

явно неблагопріятствуютъ настоящему Правительству, и слѣдственно столь малаго числа нечего опасаться. Чтобы придать Паламъ видъ народнаго утвержденія, ошъ департаментовъ будутъ избраны 200 Перовъ; но наследство сего званія сохранится.

Король председательствовалъ 5 числа въ Совѣтѣ Министровъ. 6 числа, въ 8 часовъ утра, всѣ Министры поѣхали въ Сенъ-Клу, и остались тамъ до отъѣзда Короля.

Безпорядки, бывшіе въ Стразбургѣ два вечера сряду, совершенно прекратились.

По извѣстіямъ ошъ 31-го Мая, въ Тарасконѣ было спокойно, но волненіе еще не утихло. Присланный туда Военный Судъ производилъ слѣдствіе о происшествіяхъ 23-го числа.

Обвинительная Палата рѣшила, что нѣтъ повода преслѣдовать предъ судомъ, за мнимый заговоръ противъ Правительства, Генерала Кадудаль, Виконта Сези, Графа Жегу-Дюлаза и Г-на Б. Герувиль; напрошивъ того, Лудовикъ Кадудаль, Лудовикъ Герувиль и Г. Женульакъ позваны къ суду за утайку заговора противъ безопасности Государства. Извѣстно, что оба Кадудаль бѣгствомъ спаслись ошъ заточенія; Лудовикъ Герувиль и Графъ Жегу-Дюлазъ, просидѣвшіе въ шюрѣмъ по три мѣсяца съ половиною, выпущены, первый на поруки.

Въ Парижѣ составилось Общество для поощренія земледѣлія. Король принялъ на себя покровительство онаго. Наблюденія онаго будутъ печатаны въ ежемѣсячномъ Журналѣ, подъ названіемъ *le Cultivateur, Journal des progrès agricoles*.

Два Французскіе фрегата, двѣ корветты и одинъ бригъ пришли въ Тагъ, и захватили всѣ Португальскія суда, какъ находившіяся въ гавани, такъ и приходившія. Французская эскадра ждала еще подкрѣпленія.

Генераль Бонне принялъ многія весьма благоразумныя мѣры, и послалъ сильныя отряды войскъ въ разные города и замки. „Сія сила, сказано въ Финистерской Газетѣ, недостаточна, однако же для того, чтобы усмирить мятежъ, хотя онѣ и могутъ прекратить разбой.“ Въ Анжерѣ готовился къ 6 числу праздникъ, на который ожидали депутацій народной гвардіи Ренна, Нанша, Сомюра, Бурбонъ-Ванде, и пр., съ оружіемъ и багажемъ; но Министерскою депешою, полученною въ Нантѣ, и вѣроятно и въ другихъ помнящихъ городахъ, запрещено депутаціи отправляться въ Анжеръ съ оружіемъ.

Правительство, увѣдомленное о томъ, что 40,000 ружей съ Англійскихъ фабрикъ, назначенныхъ для западныхъ департаментовъ, будутъ тайно привезены на берегъ, приказало таможеннымъ приморскихъ городовъ употребить величайшую бдительность, чтобы воспрепятствовать сему тайному провозу.

Г-да Лондъ и Жирарденъ назначены начальниками Коммиссій, отправляемыхъ Правительствомъ въ Польшу и въ Россію, для наблюденія холеры. Коммиссія, ѣдущая въ Польшу, состоитъ изъ Гг. Лонда, Дальмаса, Сандра, Дюбле, Будары и Алябера; въ Россію, изъ Гг. Жирардена, Ипполита Клоке и Геймара.

Въ Монитерѣ напечатано Королевское по-

велѣніе 5-го Іюня, состоящее изъ 86 статей, о новомъ устройствѣ Артиллерійскаго и Инженернаго Училища въ Мецѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ значительное число линійныхъ войскъ пришло въ департаментъ Морбиганскій, тамошніе шуаны раздѣлились на шайки въ 6 и 7 человекъ, и скрываются на паханныхъ поляхъ, когда войска обыскиваютъ кустарники, а по вечерамъ являются въ деревняхъ, гдѣ нѣтъ солдатъ.

Въ Тулонѣ не сомнѣваются, что возвратившаяся сюда наблюдательная эскадра назначена въ Лиссабонъ. Пяти линійнымъ кораблямъ, премъ фрегатамъ перваго ранга и одной корветтѣ приказано взять провіанта на четыре мѣсяца; экипажъ каждого линійнаго корабля будетъ усиленъ 150 морскими солдатами и 150 линійными, коюры назначены для десанта; на фрегаты назначено подкрѣпленія по 100 морскихъ и по 100 сухопутныхъ солдатъ, такъ, что на эскадрѣ будетъ всего 2500 человекъ высаднаго войска. День отплытія еще не назначенъ.

Г-да Дюпенъ старшій, Арно, Членъ Института, Тиссо, Профессоръ Университета, и Орфила, Деканъ Парижскаго Медицинскаго Факультета, Королевскимъ повелѣніемъ назначены Членами Коммиссіи для пересмотрѣнія законовъ о Народномъ Просвѣщеніи.

Адмиралъ Руссенъ получилъ 3-го числа въ Брестѣ, по телеграфу, повелѣніе немедленно отправиться въ Тулонъ, чтобы принять начальство надъ экспедиціею противъ Португаліи.

Пишутъ, что по отбытіи изъ Тага Англій-

скаго линейнаго корабля, фрегата, корветы и бригга, приверженцы Дона Мигуэля очень пріуныли. Ни одно Португальское судно не можетъ выйти въ море, ибо предъ усміемъ крейсируютъ Французскій фрегатъ, корветка и бриггъ. Работы въ гавани прекратились совершенно. Толпы лишившихся пропитанія рабочниковъ бродятъ по городу, громко жалуясь на сіи обстоятельства.

Императоръ и Императрица Бразильскіе прибыли 10-го числа въ Шербургъ, и остановились въ домѣ Морскаго Префекта. Увѣряютъ, что Донъ Педро намѣренъ поселиться во Франціи; теперь онъ долженъ быть въ Канъ. Кромѣ Бразильскаго Посланника пріѣхалъ въ Шербургъ и Шведскій, чтобы представиться Императрицѣ, сестрѣ Наслѣдной Принцессы Шведской. Въ Брестѣ ежеминутно ожидали Французскаго фрегата Сены, на которомъ находится молодая Португальская Королева и Маркизь Луле съ супругою.

Изъ Байонны пишутъ отъ 30-го Мая, что по словамъ путешественниковъ, прибывшихъ изъ Мадрида, нѣсколько колоннъ, каждая въ 5 или 6000 человекъ, медленно идутъ въ Каталонію и Наварру.

Король пожаловалъ Адмирала Кодрингтона Кавалеромъ большаго креста ордена Почетнаго Легіона.

Судъ Присяжныхъ, назначенный для разсмотрѣнія представленныхъ моделей спатуи Наполеона, назначилъ награду модели Скульптора Э. Серра.

13-го числа, ввечеру, на Шамелевской площади собралась многочисленная толпа народа, кри-

чала: да здравствуетъ Наполеонъ II, и пѣла Парижскую пѣсню. Въ 10 часовъ пришелъ дозоръ, и толпа разстѣлась. Еще днемъ прибиты были на площади записки съ слѣдующими словами: „Празднныя работники могутъ явиться завтра къ Министру Публичныхъ Работъ, гдѣ имъ укажутъ работу.“ Сія записка была сорвана. — Въ ночь же вечеръ, въ 11-мъ часу, большое число молодыхъ людей танцовали въ саду одного практира и пѣли возмутительныя пѣсни. Полицейскій Коммиссаръ просилъ ихъ разойтись; они не послушались; надобно было позвать дозоры, которые вошли въ садъ, схватили 18 человекъ и отвели ихъ въ Префектуру Полиціи. — Утромъ прибито было на площади Бодоайе печатное объявленіе, съ слѣдующимъ заглавіемъ: „Извѣстіе народу отъ студента Правъ.“

Кассационный Судъ обязанъ ежегодно подавать Правительству донесеніе о недостаткахъ и необходимыхъ улучшеніяхъ въ законодательствѣ; но онъ только однажды исполнилъ сей долгъ. По предложенію Генералъ - Прокурора, Предсѣдатель Суда, Графъ Порпалисъ, назначилъ Коммиссію, которая рѣшила, что упомянутое законное послановленіе въ нынѣшнемъ году будетъ приведено въ исполненіе, что особенно должно заняться банкротами, насильственнымъ изгнаніемъ владѣльцевъ изъ ихъ имуществъ и смертною казнію, и что на будущее время Судъ долженъ представлять Королю ежегодный отчетъ о важнѣйшихъ тяжбныхъ дѣлахъ; сіи отчеты будутъ печатаемы и сообщаемы Паламамъ.

Полагали, что эскадра, подъ начальствомъ

Коншрь-Адмирала Гюгона, съ 2000 человекъ войска, 10-го пойдетъ къ Лиссабону.

Линейный корабль Суфренъ пришелъ изъ Шербурга въ Брестъ. Коншрь-Адмиралъ Руссенъ немедленно поднялъ на ономъ свой флагъ, и съ фрегатомъ Военнымъ и нѣсколькими другими судами пойдетъ въ Лиссабонъ при первомъ попутномъ вѣтрѣ.

Король проѣхалъ чрезъ Баръ-ле-Дюкъ, Варенъ и пр. въ Мецъ, и вездѣ былъ принимаемъ съ восторгомъ. 24,000 человекъ войска вѣрно собрался въ Спирзбургъ, гдѣ Король сдѣлаешъ имъ смотръ, и куда ожидающъ Короля Виртембергскаго и Принцевъ Баденскихъ.

Королевскими повелѣніями 15 числа, Графъ Лобау назначенъ Главнымъ Начальникомъ Народной Гвардіи Сенскаго Департамента; Г-да Л. Жирарденъ и Луберсъ начальниками легионовъ, а Г-да Ганнеронъ и Бессонъ Подполковниками.

Эскадра, подъ начальствомъ Адмирала Гюгона, вышла изъ Тулона, 9-го числа.

Капитанъ Рабоди прибылъ 2-го Іюня къ Терсеръ, и на другой день взялъ Португальскую корвешу Уранію, о 24 пушкахъ со 150 людьми экипажа. За исключеніемъ Сантъ-Мигеля, всѣ Азорскіе острова были во власни Регентства.

Значительное число Французовъ отправилось въ Америку въ надеждѣ найти въ Гвазаконь (въ Мексикѣ) средства къ выгодному поселенію; но они ошиблись въ своей надеждѣ, и большая часть изъ нихъ находилась нынѣ въ самомъ жалкомъ положеніи. Весьма многіе изъ сихъ несчастныхъ обратились съ просьбами къ Королю

и Морскому Министру, о средствахъ для возвращенія во Францію. По докладу Министра, Король приказалъ послать въ Мексиканскій заливъ судно, чтобы собрать и привести во Францію плѣхъ, которые пожелаютъ возвратиться въ отечество. Въ слѣдствіе сего повелѣнія, Адмиралъ Риньи приказалъ снарядить габарру Дору, которая немедленно отправится изъ Тулона.

Намѣренія нарушителей спокойствія вѣроятно скоро будутъ открыты, ибо ежедневно берутъ подъ стражу много народу. Въ улицахъ Сентъ-Фуа и Борегаръ доходило до драки, причемъ нѣсколько мятежниковъ ранены, и одинъ изъ нихъ смертельно.

Генералъ-Прокуроръ докладывалъ, 16-го числа, Королевскому Парижскому Суду о слѣдствіи касательно причинъ смерти Принца Конде. Генералъ Прокуроръ предложилъ Суду объ отсрочкѣ дѣла, дабы онъ могъ представить разсужденіе о нѣкоторыхъ вопросахъ Судебной Медицины; Судъ отложилъ оное до 21-го числа.

Извѣстіе изъ разныхъ мѣстъ западныхъ департаментовъ весьма благопріятны. Скопища шуановъ, по видимому, не столь важны, какъ то заставляли думать распространяемыя съ нѣкотораго времени извѣстія. Все число шуановъ полагається отъ 3 до 400 человекъ, раздѣленныхъ на 10 или 12 шаекъ.

Генералъ Беллиаръ прибылъ въ Парижъ изъ Брюсселя.

А н г л и я.

Извѣстія изъ Ирландіи чрезвычайно печальны. По словамъ Курьера, сотни, даже тысячи народу умираютъ шамъ съ голода.

Въ качествѣ Предсавителя Министерсва въ Нижней Палатѣ, Лордъ Альшорпъ объявилъ циркуляромъ, что Правительство не предложитъ оной ни какихъ государственныхъ дѣлъ прежде 21-го числа.

Бельгійская депутація прибыла въ Лондонъ 8-го числа, и на другой день имѣла конференцію съ Лордомъ Пальмерстономъ.

Въ Курьерѣ вновь выхваляютъ искреннее согласіе, господствующее по Бельгійскимъ дѣламъ между Кабинетами Парижскимъ и Лондонскимъ, и увѣряютъ, что каковъ бы ни былъ конецъ переговоровъ между Бельгійскимъ Конгрессомъ и Принцемъ Леопольдомъ, Франція не согласится на присоединеніе Бельгіи, и что если бы найдено было нужнымъ занять Бельгію на время иноземными войсками, то для сего будутъ употреблены не Французскія.

Кавалеръ Барбоза признанъ въ качествѣ Посланника Португальскаго Правительства въ Терсеръ при Лондонскомъ Дворѣ.

Изъ Гибралтара пишутъ, что по отбытіи оншуда всѣхъ Испанскихъ выходцевъ, сообщеніе съ Испанією возстановлено.

Новый Парламентъ собрался 14-го числа. Въ Палатѣ Перовъ Лордъ Канцлеръ объявилъ Перамъ и Членамъ Нижней Палаты, что Король назначилъ особую Коммиссію для открытія Парламента; но когда Члены онаго дадутъ присягу, тогда Король лично объяснитъ причины, побудившія его созвать новый Парламентъ. По приведеніи къ присягѣ многихъ Перовъ, Палата разошлась. Въ Нижней Палатѣ также приводили Членовъ къ

присягѣ, а потомъ занялись избраніемъ Орапора. По предложенію Г-на Винна, и по единодушному согласію всѣхъ Членовъ, избранъ въ сіе званіе Г-нъ Маннерсъ Сумпсонъ, уже 14 лѣтъ носящій оное.

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елена Павловна прибыла въ Англію.

По извѣстіямъ изъ Лиссабона отъ 4-го Іюня, Д. Мигуэль находится въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи; говорятъ, что Французская эскадра взяла уже 16 Португальскихъ кораблей.

Графъ Виллафлоръ овладѣлъ, 9 Мая, островомъ Св. Георгія, съ экспедиціею, вышедшею изъ Ангры.

Возмущеніе между кузнецами близъ Брекона, въ Княжествѣ Валлійскомъ, стоило жизни 15 или 16 человѣкамъ; собранныя войска прогнали возмущенныхъ въ горы, гдѣ число ихъ, какъ говорятъ, простирается отъ 8 до 10,000; но недоспашокъ съѣстныхъ припасовъ скоро ихъ разгонитъ. Сіе возмущеніе не имѣетъ никакого политическаго характера.

Кажется, рѣшено, что билль о преобразованіи Парламента встрѣтитъ сильное сопротивленіе въ Верхней Палатѣ.

Говорятъ, что 19 или 20-го числа, Принцъ Леопольдъ рѣшительно объявитъ свое намѣреніе касательно Бельгійской короны; на биржѣ утверждали, что онъ приметъ оную.

Г. фанъ Бюренъ назначенъ Посланникомъ Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ Лондонъ, на мѣсто Г. Маклана.

Нидерланды.

Принцъ Леопольдъ отказался отъ предложенной ему Бельгійской короны. Поводомъ къ

отказу служить рѣшеніе пяти Державъ касательно несправедливыхъ припязаній Бельгійскаго Правительсва на Лимбургъ.

Въ Газетѣ города Бреды сказано, что въ мѣсеченіе Мая мѣсяца болѣе 5000 жителей Брюсселя послали Лондонской конференціи прошеніе о назначеніи Королемъ Принца Оранскаго. Списки съ сего прошенія сообщены всѣмъ Европейскимъ Дворамъ.

Лордъ Понсонби и Генералъ Белліаръ уѣхали изъ Брюсселя. — Конгрессъ опять не имѣлъ засѣданія, потому, что не собралось достаточнаго числа Членовъ; опасаясь дурныхъ поступковъ со стороны раздраженной черни, которая, будучи подстрекаема нѣкоторыми демагогами, 13-го числа выбила нѣсколько стеколъ въ домъ Лорда Понсонби.

Отъѣздъ Лорда Понсонби и Генерала Белліара произвелъ въ Брюсселѣ примѣтное смущеніе, и хотя нѣкоторые возмущители стараются поддерживать волненіе въ народѣ, но вообще замѣтно пасмурное расположеніе жителей. Первый пылъ революціи прошелъ; многіе обманушы въ своихъ надеждахъ, и теперь начинаютъ съ сожалѣніемъ воспоминашь о прежнемъ времени.

Первая Палата Генеральныхъ Шпатовъ приняла законъ объ измѣненіяхъ въ таможенномъ тарифѣ, а Вторая Палата законъ о назначеніи чрезвычайнаго кредита.

Генералъ-Лейтенантъ Шассе доноситъ изъ Амстерпена отъ 14-го числа, что ушромъ Бельгійцы открыли сильный ружейный огонь противъ крѣпости: не смотря на продолжитель-

ность онаго, гарнизонъ не потерпѣлъ ни какой потери; одинъ только солдатъ получилъ легкую конузію въ ногу. Генералъ Шассе отрядилъ искуснѣйшихъ стрѣлковъ, и приказалъ стрѣлять по непріятелямъ. По извѣстіямъ изъ Бергенъ-опъ-Цоома, опъ 15-го, въ полдень 14-го числа въ городъ Антверпенъ привезено уже было пятнадцать челоуѣкъ убитыхъ. Бельгійцы стрѣляли и по канонирскимъ лодкамъ, повредили нѣсколько парусовъ и ранили двухъ мапросовъ; съ лодокъ выстрѣлили два раза изъ пушекъ, и собравшіеся на берегу стрѣлки разсѣялись.

Въ Газетѣ Staats-Courant напечатанъ прополокъ Лондонской конференціи 6-го Іюня; изъ онаго явствуетъ, что Уполномоченные Короля Голландскаго, Г-да Фалькъ и Зюйленъ ванъ Нейвельштъ, подали 21-го Мая конференціи ноту, въ коей объявляется, что если Бельгійцы не согласятся немедленно признать границы, опредѣленные пятью Державами, то Е. В. послуניתъ по своему благоусмотрѣнію для прекращенія неизвѣстности, столь вредной для вѣрныхъ его подданныхъ. Второю нотою, опъ 5-го Іюня, Уполномоченные напомнили о семъ объявленіи, и присовокупили, что Правительство Бельгійское безъ сомнѣнія дало уже отвѣтъ касательно границъ. Конференція отвѣчала на сію ноту, что Бельгійцы не согласились на помѣнуемое разграниченіе; что Лордъ Понсонби и Генералъ Белліаръ опозваны, и что конференція занимается мѣрами, коихъ требуютъ опъ пяти Державъ обязанности, принятыя ими на себя въ отношеніи къ Королю Голландскому. Третьею нотою опъ 6-го Іюня, Уполномо-

ченныя прошествовали противъ письма Лорда Понсонби къ Г-ну Лебо, и противъ всего, что онъ могъ сказать касательно уступки Великаго Герцогства Луксенбургскаго. Конференція отвѣчала, что не имѣла ни какого участія въ упомянутомъ письмѣ Лорда Понсонби, и что она будетъ дѣйствовать не иначе, какъ сообразно съ протоколомъ 21 Мая, въ силу коего не можетъ быть рѣчи ни объ уступкѣ, ни о размѣнѣ Луксенбурга, прежде нежели Бельгійцы не примутъ упомянутаго разграниченія, и пока Король Голландскій не изъяснитъ на то своего согласія.

И т а л і я.

Бывшій Фельдмаршалъ-Лейтенантъ Зукки, судимый Военнымъ Судомъ въ Грецѣ, какъ говорятъ, осужденъ на смертную казнь, но Императоръ Австрійскій даровалъ ему жизнь.

Принцъ Жуанвилльскій прибылъ 2-го Іюня въ Ливорно, и при выходѣ на берегъ встрѣченъ съ колокольнымъ звономъ и пушечною пальбою.

Учрежденная въ Римѣ Коммиссія произнесла приговоръ надъ девятью изъ политическихъ преступниковъ, содержащихся въ тюрьмѣ, и представила оный на утвержденіе Папѣ; двое изъ нихъ приговорены были къ смерти, а прочіе на нѣскольکو лѣтъ на галеры. Его Святейшество перемѣнилъ смертную казнь на галеры, а прочимъ сократилъ сроки. Запѣтъ Папа даровалъ еще другое облегченіе: въ числѣ заключенныхъ находились шесть Корсиканцевъ, одинъ Неаполитанецъ и только одинъ Римлянинъ, по имени Луни; Корсиканцы отданы въ распоряженіе Французскому Посланнику, Неаполитанецъ также будетъ выданъ

своему Правительству, а Луни, вмѣсто галеръ, просидишь нѣсколько лѣтъ въ крѣпости Св. Ангела.

Е. В. Эрцгерцогиня Марія Луиза издала 28-го Мая декретъ, на основаніи коего всѣ люди, возстававшіе противъ Правительства съ оружіемъ въ рукахъ или посредствомъ тайныхъ сообществъ, или же какими либо другими средствами способствовавшіе къ произведенію послѣдней революціи, должны быть судимы по всей строгости существующихъ законовъ.

Кардиналъ, исправляющій должность Спашсъ-Секретаря, издалъ, 1-го числа, объявленіе къ жителямъ Легацій, что по прекращеніи чрезвычайныхъ обстоятельствъ, по прежнему учреждающа четыре Легаціи, въ Болоньѣ, Феррарѣ, Равеннѣ и Форли, коими будутъ управлять Пролегаты. Правительственныя Коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ ихъ, будутъ рѣшать всѣ дѣла. До учрежденія новой, повсюду единообразной Юстиціи, остаются въ своей силѣ прежнія.

Т у р ц і я.

Верховный Визирь, послѣ блистательныхъ побѣдъ надъ мятежниками, возвратился въ Монастырь, въ слѣдствіе вновь возникшихъ въ Нижней Албаніи безпокойствъ, подъ начальствомъ Селигдаря Поды. Сіи безпокойства весьма значительны и простираются отъ Янины до Горцы, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Монастыря; со всѣхъ сторонъ спекались въ Горцу шайки недовольныхъ къ Селигдарю Подѣ, который привелъ жилище свое, неподалеку отъ Горцы, въ оборонительное положеніе и снабдилъ оное съѣзными припасами, рѣ-

шившись, въ случаѣ крайности, запереться въ ономъ, и защищаться до послѣдняго человѣка, ибо онъ уже не можетъ надѣяться на помилованіе. Мустафа Паша Скодринскій стоить при Пезрени и наблюдаетъ за Пашею Скопійскимъ.

Возстаніе Албанцевъ и непокорность Мустафы Паши Скодринскаго окончаны; Верховный Визирь продолжаетъ идти впередъ и принимаетъ мѣры для предваренія новыхъ смятеній. Въ Малой Азіи сопротивленіе власти Султана становится съ каждымъ днемъ упорнѣе, и легко можетъ случиться, что Верховный Визирь съ большею частію войска будетъ посланъ туда. Извѣстія, полученные изъ Греціи, неблагопріятны; но мѣры Президента подавали надежду на возстановленіе спокойствія. Паша Египетскій старается сохранить довѣренность Султана, и для казны его приноситъ великія жертвы. Россійскій Посланникъ, Г-нъ Бушеневъ, имѣетъ частныя совѣщанія съ Рейс-Эфендіемъ, и величайшее согласіе господствуетъ между Россійскимъ Дворомъ и Портою.

Въ Александрію прибылъ сынъ Вице-Короля, Ибрагимъ Паша; ожидаютъ также флота Султанскаго, подъ начальствомъ Капитана-Паши, который будетъ совѣтоваться съ Вице-Королемъ о мѣрахъ касательно устройства разныхъ Пашалыковъ, находящихся нынѣ подъ властію возмущившихся Пашей; особенно идетъ дѣло о Багдадскомъ Пашалыкѣ, противъ котораго Мегемешъ-Али получилъ повелѣніе отправить 8000 человѣкъ войска. Все вниманіе Вице-Короля обращено на морскую силу. Сухонутныя силы Мегемеша Али простираются до 70,000 человѣкъ, а морскія возрастаютъ съ неимоверною скоростію.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ Вѣнскихъ газетахъ напечатанъ вызовъ 418 жигелей Галиціи и Лодомирін, вышедшихъ въ Польшу, въ числѣ коихъ находящіяся 26 Графовъ и большая часть людей изъ знатныхъ фамилій.

Кенигсбергское Правленіе распространило и на границу отъ Шмаленикена до Мемеля запрещеніе вывоза оружія, лошадей, пороха и другихъ военныхъ потребностей въ Царство Польское, по причинѣ мятежа, возникшаго въ Липовскихъ Губерніяхъ; помянутому запрещенію подвержены равномѣрно желѣзо, кованое и не кованое, косы и желѣзная жесть.

Большей части офицеровъ корпуса Дверницкаго назначены для жительства помѣстья Князя Карла Лихтенштейна, въ Моравіи.

Въ Каѣ, на островѣ Гаипи, произошло возмущеніе. Президентъ Бойе принужденъ былъ выступить съ своею гвардіею. Поршъ-о-Пренсъ находится въ самомъ жалкомъ положеніи.

По извѣстіямъ изъ Лемберга отъ 23-го Мая, въ семь городѣ умерло отъ холеры до сорока человекъ. Правительство приняло мѣры противъ распространенія сей болѣзни.

Въ Бразиліи уже болѣе мѣсяца умы были въ волненіи, въ слѣдствіе безпокойствъ, бывшихъ по возвращеніи Императора изъ путешествія. Его упрекали въ явномъ пошворствѣ Португальцамъ, что произвело сильное раздраженіе между ними послѣдними и Бразильцами; нѣкоторые Члены Палаты Денушатовъ даже почти угрожали ему въ адресѣ, что приберуть въ свои руки верховную власть, если онъ не оставитъ своего пристрастія къ

Португальцамъ. При такомъ положеніи умовъ, Донъ Педро назначилъ 5-го Апрѣля новыхъ Министровъ. Сія назначенія были столь непріятны для народа, что всеобщее неудовольствіе превратилось въ явный мятежъ, и сдѣлано было нападеніе на дворецъ Императора. Донъ Педро призвалъ на помощь войско, и приказалъ стрѣлять въ народъ; но за исключеніемъ малаго числа солдатъ, всѣ прочіе положили оружіе. Тогда Императору осмалось одно средство къ спасенію, бѣгство. Въ сопровожденіи Императрицы и малочисленной свиты, отправился онъ на Англійскій фрегатъ Волажъ, подъ командою Лорда Кольчестера. 7-го числа издалъ онъ прокламацію, въ коей объявляетъ, что, по праву, дарованному ему государственнымъ постановленіемъ, добровольно отрекается отъ престола въ пользу нѣмилѣннѣйшаго своего Дона Педро, котораго препоручаетъ попечительности націи. Говорятъ, что послѣдній приметъ только титулъ Короля, подъ именемъ Педро II. Послѣку бѣгства Императора произвелъ въ столицѣ величайшее замѣшательство, но нужно было принять мѣры для восстановленія порядка и верховной власти; находившіеся въ Рио-Жанейро Депутаты немедленно собрались, и положили, назначить Регентство изъ трехъ особъ, выбранныхъ изъ среды ихъ; избраны Ф. де Лима, Каркавеласъ и Вергенно. Они немедленно приняли верховную власть, и назначили новыхъ Министровъ: Донъ Жозе Боргесъ, Финансовъ; Д. Жойяна, Внутреннихъ Дѣлъ; Д. Жозе Франка, Юстиціи; Д. Жозе Морaesъ, Военный; Д. Жозе де Альмеида, Морской; Д. Ф. де Кампосъ, Иностранныхъ Дѣлъ. Главнѣ-

командующимъ войсками назначенъ Д. Жозе де Лима э Сильва. На Англійскомъ фрегатѣ Волажъ находились Императоръ съ Императрицею, Маркизы Кантогалло, Ріонардо и Бердадь; на Французскомъ фрегатѣ молодая Португальская Королева, Маркизь Луле съ супругою, и нѣкоторыя придворныя дамы.— Въ Багін войско соединилось съ народомъ и написали семь предложеній, между прочимъ объ изгнаніи всѣхъ Португальскихъ чиновниковъ и объ отставкѣ Президента. Всѣ лавки были заперты, и жители вооруженные ходили по улицамъ. По частнымъ письмамъ, въ Багін опять все успокоилось. Президентъ сложилъ съ себя сіе званіе и на его мѣсто избранъ былъ Д. Гонзальвесь Сесимбра. Всѣ Португальскіе чиновники были отставлены и замѣщены Бразильцами.

Въ Данцигѣ холера, по видимому, ослабѣваетъ; но она показалась въ Калишѣ.

Въ Берлинѣ скончался 13-го Іюня н. ст., на 63-мъ году отъ роду, послѣ двухнедѣльной тяжкой болѣзни, Россійскій Чрезвычайный Посланникъ и Полномочный Министръ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Графъ Алопеусъ.

Изъ Гибралтара пишутъ, что Испанскіе инсургенты, Торрихось, Кальдеронъ и Пиншо, отправились отсюда на кораблѣ въ Тагъ.

Въ Лиссабонѣ узнали, что нѣсколько Португальскихъ купеческихъ кораблей взяты Французскою эскадрою. Сіе извѣстіе произвело непріятное дѣйствіе. Португальскія суда боялись выходить изъ гавани, торговля остановилась, и всѣ негодуютъ на виновниковъ сего зла. Волненіе, оказавшееся въ Лиссабонѣ со времени появленія Фран-

цузской аккадры, распространилось и на все при-
морские города отъ мыса Сент-Винченца до устья
Миньо. Правительство видитъ угрожающую ему
опасность; частыя совѣщанія въ Квельюзскомъ
дворцѣ и ежедневныя собранія Министровъ въ Лис-
сабонѣ свидѣтельствуя о его безпокойствѣ.
На берегу собираются толпы народа; но ихъ не
смѣютъ разгонять, опасаясь, чтобы не вспых-
нулъ мятежъ.

Война между прибрежными областями Буэ-
нось-Айресскою, Энпре-Ріосъ, Санта-Фе и внут-
ренними, должна была сдѣлаться весьма упорною,
ибо съ обѣихъ сторонъ для продолженія оной
употребляли все средства, какія только могла
представить истощенная страна. Въ Буэнось-
Айресь обнародованъ былъ наступательный и обо-
ронительный трактатъ, заключенный между
прибрежными областями и подписанный въ Санта-
Фе. Издано также постановленіе Правительства,
коимъ призывающся къ оружію все жителн спа-
рѣ 15-ти лѣтъ. На чрезвычайные расходы теку-
щаго года Палата предсавителей назначила 6
милліоновъ доллоровъ.

Изъ Вѣны пишутъ, что въ переговорахъ объ
очищеніи Папскихъ владѣній встрѣпились новыя
затрудненія. — Герцогъ Рейхшпадскій всту-
паетъ въ дѣйствительную службу Подполковни-
комъ пѣхотнаго полка Гіулая, стоящаго въ Вѣ-
нѣ. — Маршалъ Мармонъ возвратился въ Вѣну съ
путешествія своего въ Венгрію. — Не смотря на
побѣды Верховнаго Визиря, новѣйшія извѣстія изъ
Албаніи и Босніи еще не весьма благоприятны:
въ Нижней Албаніи, и особенно въ Босніи, возму-

щенія болѣе и болѣе распространяются. Изъ Фіума пишутъ, что Паша Травникскій, принужденный мятежниками принять надъ ними начальство, бѣжалъ отъ нихъ, и въ сопровожденіи 150 человекъ прибылъ на Австрійскую границу.

Въ Гренадѣ казнена, 26-го Мая, Донна Маріана Пинеда. 15-го числа, Полиція нашла въ ея домѣ въ половинѣ вышины революціонное знамя и другія подобныя вещи, и слѣдствіемъ предъ Судомъ совершенно доказано ея преслупленіе.

Французская эскадра взяла уже тринадцать судовъ предъ Лиссабономъ и семь предъ Порто. Донъ Мигуэль посильно вооружалъ девять военныхъ кораблей для отраженія Французской эскадры.

По извѣстіямъ изъ Буэносъ-Айреса, отъ 13-го Марша, смятеніе въ Республикѣ не прекратилось: пограничныя области оспариваютъ верховную власть у Аргентинской Республики.

Генераль Урданета сложилъ съ себя исполнительную власть въ Колумбіи, но остался при Начальствѣ надъ войскомъ. Карпагена сдалась 29-го Апрѣля Генералу Луку, по шестинедельной осадѣ; но онъ, кажется, не удержится тамъ. Генералы Монсимья, Оларри и Сильва изгнаны; Обандо и Лопесъ властвовали въ Богошѣ, и Генераль Камседо на время избранъ былъ Президентомъ до возвращенія Москеры изъ Нью-Йорка. Всѣ Англійскіе корабли, стоящіе предъ Ямайкою, должны были отправиться къ берегамъ Колумбіи, для защиты Англійскихъ подданныхъ.

Со времени появленія холеры въ Данцигъ до утра 21 Іюня н. ст., заболѣло тамъ 315 человекъ, умерло 222, выздоравливали 37 и лечились еще 56.

Изъ Мемеля пишутъ, что Фельдмаршалъ Графъ Паскевичъ-Ериванскій прибылъ туда на пароходѣ 22-го Іюня н. сп.

Босняки явно возстали противъ Султана: 16-го числа, около 20,000 человекъ войска пришли въ движеніе. Визирь Босніи уже отправился въ Сараево, гдѣ начальства приняли сторону возмущившихся Капитановъ, и намѣрены идти съ ними въ Албанію. Корпусъ Янычаръ возстановленъ и составляетъ главную силу мятежниковъ.

Іюль 27.

Конецъ двадцатой части.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Д В А Д Ц А Т О Й Ч А С Т И.

(Сына Отечества ЧАСТИ 142, СѢВЕРНАГО АРХИВА 56 Я).

Стран.

I. Изящная Словесность.

1. Повѣсть о жареной головѣ . . . 3, 69 и 133.
2. Ежедневныя записки Русской нумизматическвенницы въ 1827 и 1828 годахъ 197.
(Продолж.) . . . 261.

II. Правовѣдѣніе.

Греческое судопроизводство . . . 18.

III. Новая Исторія.

1. Царствованіе Фридриха I . . . 33.
2. Изображеніе характера и содержанія Исторіи трехъ послѣднихъ столѣтій . . . 159 и 231.

IV. Современныя Нравы.

Франція и Англія . . . 85 и 142.

V. Иностранная Словесность.

Послѣдній блескъ и паденіе древней Романической Поэзіи въ Германіи . . . 100.

VI. Политическая Экономія.

Объ источникахъ богатства въ Политической Экономіи . . . 295.

VII. КРИТИКА.

1. Наложница, свч. Г. Баратынскаго . . . 53.
2. Замѣчанія на сочиненіе А. С. Пушкина
Борисъ Годуновъ 215.
(Продолж.) . . . 281.

VIII. АНТИКРИТИКА.

- Письмо къ Издашелю 116.

IX. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

- Отрывки изъ Испанской драмы: Юность
Сиды 308.

X. СТИХОТВОРЕНІЯ.

1. Обновленіе 115.
2. Каждому свое (изъ Гёте) 116.
3. Приписка къ богатому надгробію въ
бѣдности умирающаго Поэта 245.
4. Эпиграммы —
5. Нинѣ 246.
6. Дождь —

XI. СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

- Обозрѣніе новѣйшихъ происшествій 65, 124,
191, 247 и 341.

XII. СМѢСЬ.

1. О висѣхъ 130.
2. Лемаргическій сонъ 181 и 259.